

**ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**INSTITUTO DE LATINOAMÉRICA
ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA**

**Instituto de Latinoamérica
Academia de Ciencias de Rusia**

**CRIMEN ORGANIZADO: DESAFÍO A LA
SEGURIDAD DE AMÉRICA LATINA**

Moscú

2014

**Институт Латинской Америки
Российской академии наук**

**ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ —
ВЫЗОВ БЕЗОПАСНОСТИ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

Москва

2014

Редакционный совет: председатель – чл.-корр. РАН Давыдов В.М. (директор ИЛА РАН); члены совета – д-р полит. наук Боровков А.Н., канд. экон. наук Калашников Н.В., д-р полит. наук, проф. Мартынов Б.Ф., д-р полит. наук, проф. Сударев В. П.

Ответственный редактор – д-р полит. наук, проф. Мартынов Б.Ф.

Организованная преступность – вызов безопасности Латинской Америки. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 96 с.

ISBN 978-5-9905542-2-1

Коллективное исследование, подготовленное Институтом Латинской Америки РАН, посвящено организованной преступности в латиноамериканском регионе, представляющей непосредственную угрозу безопасности государства и гражданского общества. Авторы рассматривают некоторые теоретические проблемы криминализации, исследуют ее результаты и имеющиеся риски. Особое внимание уделяется конвергентной преступности, прежде всего наркотрафику, терроризму и коррупции. В работе нашли отражение достижения и проблемы борьбы с криминализацией в регионе в целом и в отдельных странах, прежде всего в Мексике, Венесуэле и Колумбии.

Исследование рассчитано на социологов, политологов, юристов, журналистов и специалистов-практиков.

El estudio colectivo del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia se dedica al crimen organizado en la región latinoamericana presentando éste una amenaza directa para la seguridad del Estado y de la sociedad civil. Los autores analizan algunos problemas teóricos de la criminalización, examinan sus resultados y riesgos existentes. Se presta especial atención al crimen convergente, especialmente al tráfico de drogas, el terrorismo y la corrupción. El trabajo realizado refleja logros y desafíos en la lucha contra la criminalización de la región en su conjunto y en diferentes países, especialmente en México, Venezuela y Colombia.

El estudio puede ser útil para sociólogos, politólogos, abogados, periodistas y profesionales prácticos.

ISBN 978-5-9905542-2-1 © Институт Латинской Америки РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

1. Результаты и риски криминализации.....	7
2. Криминализация региона: внутренние и внешние причины.....	14
3. Конвергентная преступность и ее главные составляющие.....	26
3.1. Экспансия наркобизнеса.....	26
3.2. Терроризм и оргпреступность	36
3.3. Коррупция.....	49
4. Достижения и проблемы борьбы с криминализацией в Латинской Америке.....	57
5. Борьба с преступностью: вызовы и уроки для Мексики и для России.....	68
6. Преступность в Венесуэле: актуальная ситуация и методы противодействия.....	77
7. Колумбия: организованная преступность и политика государства.....	86
Сведения об авторах.....	95

1. РЕЗУЛЬТАТЫ И РИСКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

На сегодняшний день и на ближайшую перспективу проблема криминализации, приобретшая транснациональный размах, стала, пожалуй, наиболее острой, наиболее резонансной. Приведем лишь несколько фактов для Латинско-Карибской Америки (ЛКА), на которую приходится несколько более 8% мирового населения и которая оказывается сегодня наиболее криминализированным макрорегионом. Здесь совершается 27% преднамеренных убийств, зафиксированных во всех странах мира. Среди 20 стран с наихудшими показателями криминогенности половина – латиноамериканские¹.

В постановке на обсуждение данной темы (в жанре нетрадиционных вызовов) заложен большой практический (угрозы и риски проецируются и на РФ) и теоретический смысл, поскольку при ее раскрытии невольно ставится под сомнение способность науки и аналитики адекватно отражать процессы, протекающие в обществе и на международной арене. Возьмем на себя смелость утверждать, что на настоящее время в рамках традиционной науки и в рамках традиционных представлений мы пока еще достаточно далеки от адекватного отражения действительности (по крайней мере, в части нетрадиционных вызовов). Отсюда происходят крупные просчеты и стратегического, и тактического характера, проявляющие себя и на национальной, и на международной арене, и соответственно происходит снижение эффективности государственного управления и международного регулирования.

¹ www.infolatam.com, 14.II.2012.

К числу основных неучитываемых (или слабоучитываемых) факторов и сфер активности относится неформализованная деятельность (в широком диапазоне от «светло-серых» до «густо-чёрных» зон). На латиноамериканских примерах это выявляется достаточно убедительно. Начнем с того, что неформальный сектор экономики в целом по региону охватывает порядка 40% экономически активного населения, доходя в отдельных случаях до 60%. Этот сектор экономики не учитывается должным образом статистикой и не принимается в расчет при проведении государственной политики. Пример иного порядка из практики современной Гватемалы. От 30 до 40% ее территории сегодня контролируется крупнейшим мексиканским наркокланом «Los Zetas». Что, разве в таких условиях можно говорить о каком-то демократическом транзите, об утверждении и консолидации демократии в этой стране? Пример из другой области и другого региона: Евросоюз, оберегающий общий внешнеторговый режим по периметру своих границ, фактически пасует перед контрабандой, которую в сговоре ведут и китайские мафиозные кланы, осевшие в Европе, и сицилийская каморра, контролирующая неаполитанский порт. В случае ужесточения режима в Неаполе международные (транснациональные) мафиозные связи позволяют использовать десятки других черных дыр.

В экономических терминах вес ТОП (транснациональной оргпреступности) в общемировом масштабе по некоторым оценкам на начало века определялся в 3% планетарного ВВП или в 9% мировой торговли. Считается что накануне последнего глобального экономического кризиса в операциях, которые осуществляли на мировой арене ведущие криминальные кланы, было ежегодно задействовано порядка 2 трлн долл., т.е. сумма равнозначная ВВП Италии¹.

¹ Roberto Velasco. 2012. P. 112-113.

Анализ криминогенной обстановки в Латинской Америке показывает, что в последние три десятилетия произошло кардинальное усугубление ситуации. Начало, пожалуй, было положено 80-ми годами, которые ЭКЛА назвала «потерянным десятилетием». С такой формулой можно согласиться применительно к экономике, но трудно приложить к изменению политической ситуации в странах региона. В первом случае мы действительно констатируем резкий спад деловой активности и продолжительную депрессию, сопровождавшуюся кризисом внешней задолженности. Во втором случае речь идет о сходе с арены диктаторских режимов и широкой волне демократизации. В совокупности это означало, с одной стороны, ухудшение жизненных условий основной массы населения, рост неравенства в распределении доходов, а с другой – либерализацию политического режима, дискредитацию силовых структур, включая правоохранительные органы, сужение зоны ответственности государства в сфере общественной безопасности.

Конец 80-х годов и все последнее десятилетие XX в. определялись неолиберальными реформами в духе «вашингтонского консенсуса», которые сопровождались высокими социальными издержками и «минимизацией» государства. Ограничение финансовых возможностей государства, апология «рыночных ценностей», распространение стереотипов гедонизма, распространение коррупции усиливали предпосылки для криминальной практики, облегчали задачи рекрутирования новых членов в криминальные сообщества. Свой вклад вносила массовая эмиграция (в особенности из Мексики и ряда центральноамериканских стран), приводившая к распаду традиционной семьи, к безотцовщине и беспризорности.

Все это происходило в контексте глобализации на новой технологической основе, которая в отсутствие соответствующего иммунитета и опыта противодействия открыла

огромные возможности для транснационализации организованной преступности.

Трудно комментировать криминогенную ситуацию в целом по Латинской Америке. Существуют большие различия по отдельным странам. Однако очевидно, что совокупное действие вышеперечисленных факторов и обстоятельств привело к резкому ухудшению положения. Жесткий показатель количества убийств на сто тысяч жителей однозначно указывает на это. За три десятилетия (с 1980 г.) он увеличился вдвое. Личная безопасность граждан в их главных опасениях, фиксируемых социологическими обследованиями, вышла на передний план, отодвинув другие страхи.

Смена парадигмы в сторону социальной ориентации развития и восстановления экономической и социальной ответственности государства, которая произошла во многих странах ЛКА в первом десятилетии XXI в., пока не дала значительного эффекта, хотя в последние годы можно обнаружить и некоторые позитивные результаты. Итак, если угроза терроризма как политического феномена в Латинской Америке в настоящее время значительно менее чувствительна (исключением может быть лишь колумбийский случай), чем в других макрорегионах планеты, то, судя по криминогенной обстановке, по степени ее организационного вызревания и налаженности международных связей, регион стал выходить на «передовые» рубежи.

Анализ латиноамериканской практики указывает на то, что транснационализация оргпреступности не нейтрализует этнические (либо национальные) основы. Смычка, взаимодействие, координация функций происходит, как правило, на верхних этажах. Национально-этническое качество сохраняется на нижних (исполнительских) этажах.

В этой связи можно обратить внимание на мексикано-американский мафиозный тандем. За мексиканскими кланами – трансфер наркотиков, за американскими – сбыт и

отмыв «заработков» плюс поставка оружия и современных технических средств.

В современных условиях узкая специализация «отходит» в прошлое, оставаясь за мелкими «субподрядчиками». На передний план приходят диверсифицированные структуры (сообщества), которые сочетают нелегальные виды деятельности с легальными. При этом они широко маневрируют силами и средствами, затрудняя преследование со стороны правоохранительных органов.

Понятно, что угрозы, возникающие в ЛКА, по своей проекции на Россию не могут конкурировать с теми, которые сегодня исходят из южного зарубежья. Тем не менее латиноамериканский опыт поучителен с точки зрения того, куда может завести эрозия государства и общества при неспособности противостоять ТОП. Это, во-первых. Во-вторых, криминальная активность (особенно замешанная на наркобизнесе) все больше проецируется на Россию. Все чаще правоохранительные органы перехватывают грузы и курьеров, прибывающих из «проблемных» стран ЛКА. Очевидно формирование преступных связей и альянсов с двух сторон. Возникают и симптомы «перетягивания одеяла» в отношениях организованных преступных сообществ с той и другой стороны.

Опыт противодействия ТОП, полученный в ЛКА, а также во взаимодействии латиноамериканских правоохранителей с их внерегиональными партнерами, пока еще недостаточно продуктивен. Пока, как отмечают большинство исследователей данной темы, способность ТОП к мимикрии, к освоению новых технологий (в прямом и переносном смысле), к выходу на новые рубежи превосходит возможности национальных и межгосударственных служб. Особенно показательны растущие масштабы киберпреступности. По данным «Лаборатории Касперского», на сегодня до 3 тыс. крупных организованных преступных групп действуют на

мировом киберпространстве, проникая в платежные системы, дезорганизуя различного рода вирусами работу финансовых структур.

Противодействие ТОП сегодня немислимо без своего рода «транснационализации» правоохранительной деятельности, без соответствующей доработки международного и национального права. В Латинской Америке и за ее пределами немало говорят о необходимости смены стратегии и тактики. Первичен, и это, несомненно, императив улучшения социально-экономического положения масс (в частности, поучителен бразильский опыт «санации» фавел). Вместе с тем все громче звучат призывы к изменению соотношения между «кнутом» и «пряником», особенно в части противодействия наркоугрозе.

Не разделяя апологии «либерализации» (гуманизации) наркопотребления, все же следует обратить внимание на целесообразность изменения пропорции между запретительными и разрешительными мерами, исходя из конкретных условий в отдельных странах. Внимания, в частности, заслуживает рекомендация об усилении медицинского вмешательства и участия врачей в противодействии наркоугрозе.

Латиноамериканский ареал ТОП не является для РФ зоной особо крупных рисков. Вместе с тем применительно к российской проблематике латиноамериканскую практику можно рассматривать в нескольких ракурсах. Во-первых, опыт ряда стран региона (в первую очередь Мексики и ряда центральноамериканских государств) показывает риски эрозии государства и общества, риски дестабилизации и потери управляемости в случае долгого запаздывания с налаживанием эффективного противодействия ТОП.

Во-вторых, год от года растет поток наркотиков (преимущественно кокаина), поступающих в РФ атлантическими маршрутами. Это означает, что компетентным органам

РФ необходимо иметь источники информации и юридические предпосылки сотрудничества с правоохранительными органами по цепочке используемых маршрутов.

В-третьих, наращивается и будет наращиваться поток российских туристов, посещающих страны Латинской Америки (тем более что с большинством заключены соглашения о безвизовых поездках). Если раньше речь шла о десятках, то в последние годы о сотнях тысяч туристов.

Есть серьезные основания опасаться использования турпотока в интересах мафиозных сообществ с той и с другой стороны. Следует поддержать налаживание рабочих контактов соответствующих госструктур РФ в ЛКА. При этом правоохранительные службы России способны оказать содействие нашим латиноамериканским партнерам в совершенствовании соответствующей профессиональной подготовки.

В-четвертых, помимо мер по налаживанию сотрудничества в двустороннем формате, необходимо активизировать усилия в многостороннем. Помимо известных специализированных межгосударственных структур (в т.ч. по линии ООН), следует обратить внимание на региональные и субрегиональные структуры в сфере обеспечения безопасности, которые формируются в рамках интеграционных процессов в латиноамериканском регионе.

2. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ

Латинская Америка – это тот регион современного мира, который по большинству экономических показателей (во всяком случае, по сравнению с большинством высокоразвитых стран) находится на подъеме. В первом десятилетии XXI в. несколько ведущих латиноамериканских государств впервые смогли продвинуться в решении таких своих застарелых проблем, как бедность и острое социально-экономическое неравенство, низкие темпы роста и научно-техническая отсталость. Впервые за всю свою более чем 200-летнюю историю независимого развития латиноамериканских государств количество представителей среднего класса там превысило количество бедных. Достигнутый совокупный ВВП (порядка 3,8 трлн долл.) позволяет им с учетом сохранения существующих темпов роста (в среднем 3,5%) и благоприятных демографических перспектив (по состоянию на 2011 г. – 580 млн чел.) претендовать к 2020 г. на становление в качестве одного из «полюсов» формирующегося миропорядка и нового центра глобального экономического развития.

По сравнению с прошлыми десятилетиями заметно возросла роль стран Латинской Америки на международной арене, в мировой экономике, мировых экономических и финансовых структурах, и как следствие вырос уровень самосознания народов континента и укрепились процессы становления их цивилизационно культурной идентичности. На этом фоне получили закономерное ускорение региональные и субрегиональные интеграционные процессы. В условиях непрерывной демократической стабильности, продолжающейся с

конца 80-х годов прошлого века, возрос имущественный и образовательный уровень населения, получило развитие гражданское общество.

При этом процессы, происходящие в Латинской Америке, разумеется, не лишены серьезных проблем и изъянов, в том числе и парадоксов. Пожалуй, самым главным из них, свойственным, в той или иной степени, и другим странам, в том числе и России, является рост организованной преступности, который к концу первого десятилетия XXI в. превратился в новую комплексную угрозу безопасности региона.

Из 20 стран с самыми высокими показателями в этой сфере 10 находятся в Латинской Америке. По данным Гражданского совета за общественную безопасность Мексики, 40 из 50 городов мира с самым высоким уровнем насилия также сосредоточены в данном регионе¹.

Проблема криминализации в некоторых странах (Мексика, страны Центральной Америки, Венесуэла, частично – Бразилия) приобрела транснациональный размах и негативный резонанс в мире, что в свою очередь начало негативно отражаться на их международном имидже и конкурентоспособности.

Для транснациональной организованной преступности (ТОП) сегодня характерны высокая способность к мимикрии, к освоению новых технологий и выходу на новые рубежи влияния. Она порой превосходит возможности национальных и межгосударственных правоохранительных органов. Особенно показательны растущие масштабы *киберпреступности*, которая связана с проникновением в платежные системы и с дезорганизацией работы финансовых и других стратегически важных структур.

«*Конвергентная*» криминализация государства и общества (в форме складывающейся взаимозависимости корруп-

¹ www.infolatam.com, 14.II.2012.

ции, наркотрафика, терроризма и различных видов контрабанды) становится фактором, который затрудняет экономическое и социально-политическое развитие латиноамериканских стран, наносит удар по их внешнеполитическому и внешнеэкономическому позиционированию и периодически осложняет в том числе и *российско-латиноамериканские отношения*.

Развитие ТОП связано с постоянными вызовами, с которыми сталкиваются национальные правительства и компетентные международные организации. Взрывной рост ТОП датируется началом 90-х годов. С этого момента она стала константой, вобравшей в себя совокупность угроз экономическому развитию, социальному благосостоянию, безопасности и стабильности стран Латино-Карибской Америки (ЛКА).

Эти страны, разумеется, сталкивались с проявлениями оргпреступности и ранее. Ее причины носили в основном внутренний характер и были обусловлены тяжелым социально-экономическим положением региона. Редкие периоды относительного благополучия (например, после Первой и Второй мировых войн), как правило, вскоре сменялись возвратом к эндемичному состоянию бедности, социального неравенства, почти поголовной неграмотности и т.д. – органично подпитывавших собой рост преступности. При этом в ЛКА почти полностью отсутствовал феномен этнической оргпреступности (такой, как, например, итальянская мафия в США), что свидетельствовало о приоритете внутренних факторов криминализации общества над внешними и о том, что оргпреступность в странах ЛКА вплоть до начала 90-х годов практически не носила *транснационального характера* *.

* Исключение составляют *уголовные преступления в сфере политики* (терроризм, о котором речь пойдет ниже).

На сегодняшний день транснационализация с формированием так называемых «серых зон» – территорий, где властвуют транснациональные криминальные сообщества, пытающиеся подменить законные власти, – налицо. Местные криминальные организации (кланы наркокартелей, мафии, группы контрабандистов, молодежные банды, незаконные вооруженные формирования) образуют разветвленные сети, лидеры которых заинтересованы в установлении связей за пределами «принимающих» стран для расширения ареалов своей деятельности. Криминальные группировки быстро трансформируются в коммерческие предприятия, извлекающие максимальные прибыли из участия в нелегальной экономике. Распространение цифровых технологий, создание горизонтальных сетевых структур с середины «нулевых» годов обеспечивает им невиданные ранее возможности доступа к различным сферам легального бизнеса, а широкое распространение коррупции облегчает им проникновение в управленческие структуры на центральном, региональном и муниципальном уровнях. В этих условиях сформировался феномен не только «транснациональной», но и конвергентной преступности, ставящей под угрозу управляемость некоторых латиноамериканских и карибских стран.

По нашему мнению, «взрывной» рост активности криминальных организаций – пандемия преступности – стал следствием *ослабления государства* в период 90-х – 2000-х годов, которое в целом ряде стран ознаменовалось неэффективностью исполнительной власти, правоохранительных органов и пенитенциарной системы. В результате возможности противодействия криминалу оказались ограничены несовершенством законодательной базы, нехваткой финансовых средств, необходимых для модернизации вооружения и технического оснащения современными средствами слежения военного и полицейского персонала. Немаловажным

фактором стало также *изменение отношения* к преступности и преступникам, которые в условиях почти повсеместного восприятия либеральных «ценностей» стали зачастую рассматриваться как *тоже-«бизнесмены»*, действующие в своих «специфических» сферах на основе собственных *квазизлегальных «интересов»*.

При этом следует принимать во внимание *цивилизационную* составляющую роста ТОП в странах ЛКА. Драматизм ситуации в условиях либеральной глобализации углубился и тем, что традиционная вера в государство и его возможности, исторически присущая представителям латиноамериканского цивилизационного архетипа¹, систематически подрывалось, начиная еще с 70-х годов прошлого века (период господства военных диктатур). Кровавый след, оставленный суперэтатистскими диктаторскими режимами, заставил многих как бы «от противного» принять в качестве новой непреложной «истины» модель государственного устройства Соединенных Штатов Америки наряду с формулами «свободного рынка». Но если модель, основанная на уникальном историческом опыте США*, рассматривает государство, скорее, как «помеху» развитию, требующую наличия «сдержек и противовесов», то историческая и культурная реальность стран ЛКА совершенно иная.

В результате не критичного восприятия неолиберальной модели ослабли традиционные семейные скрепы, нарушились представления о таких базисных жизненных понятиях, как, например, «цена успеха», «допустимое и недопустимое», «права и обязанности», были в корне подорваны доселе мало подверженные переменам догмы католической

¹ Латинская Америка. 2014. №2. С. 22.

* Необходимо учитывать мнение Г. Киссинджера, считающего, что в отличие от всех других стран становление гражданского общества в США *предшествовало* образованию государства, а не являлось его следствием (Kissinger H. The Diplomacy. New York).

морали и нравственности, что фактически ослабило государство с его правоохранительной функцией.

Красноречивым примером является Мексика. Страна, демонстрирующая завидные экономические показатели, сегодня буквально «захлебывается» под валом преступности, накрывшим ее северные, граничащие с США, штаты. Некоторые американские авторы (например, Дж. Фридман) поспешили на этом основании зачислить ее в разряд *failed state*. Контраст со стабильной, независимой и уважаемой Мексикой 70-х годов бросается в глаза всякому, кому доводилось посещать ее в те годы. Начало процесса связано с подписанием Мексикой договора о НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли) в 1994 году. Главным недостатком этого договора (что так и не нашло адекватного отражения в литературе)¹ стало то, что отныне «среднему мексиканцу» предлагалось практически забыть о своей национальной идентичности и в одночасье стать «стопроцентным янки», отношение к которым в Мексике всегда было, мягко говоря, довольно «прохладным»^{*}.

Фрустрацию национальных чувств людей вследствие обрушения всей господствовавшей у них до тех пор системы ценностей наряду с неизбежным «выключением» их из привычных условий социально-политического, экономического и культурного бытия следует считать одним из главных факторов, которые способствовали резкому росту криминала в этой стране. Нечто подобное мы наблюдали на примере России 90-х годов.

¹ Мы можем сослаться на достаточно критичную статью в отношении итогов НАФТА статью известного мексиканского исследователя Х. Кастаньеды в журнале «Foreign Affairs» (март 2014 г.), где он приводит целый ряд экономических выкладок, никак не касаясь при этом *культурологического и психологического* аспектов интеграции.

^{*} Это вытекает из прозвища «гринго», которое сконцентрировало в себе все сложную гамму чувств: от страха до ненависти и презрения.

Концепции так называемой «широкой», «многоуровневой», «интегративной» безопасности, появившиеся в трудах латиноамериканских специалистов (Ф. Рохас Аравена, Т. Гедес да Коста, Х. Гардоки и др.) и нашедшие отражение в доктринах и концепциях безопасности ряда стран (Аргентина, 1988 г., Венесуэла, 1990 г., Бразилия, 1996 г., Чили, 1998 г.), в целом правильно отражали возросшую в условиях демократии значимость других, помимо государства, агентов политики безопасности, в частности, *отдельной личности, гражданского общества, региональных и международных структур*. Реальность же, как всегда, оказалась богаче теоретических схем. Столь «желанный» для демократов «уход» военных в казармы (в большинстве случаев закрепленный конституционно) обнажил неспособность правоохранительных органов в одиночку справиться с нараставшим валом преступности, что в условиях смены ценностных парадигм общественного развития (культ потребительства и «жизненного успеха») было как бы «запрограммировано» неолиберальной моделью. При этом профилактическое начало, заложенное в основу концепций «широкой» безопасности, также не могло эффективно реализовываться в условиях падения темпов экономического роста, галопирующей инфляции, усиления бедности и социального неравенства на протяжении всех 90-х годов.

Те позитивные изменения, которые удалось внести странам региона в сокращение разрыва между бедными и богатыми (особенно в Бразилии, Венесуэле, Колумбии и Перу) в 2000-е, не смогли, однако, радикально изменить ситуации, поскольку «рост без развития» (особенно характерный для Мексики и стран Центральной Америки) отсрочил начало реальной борьбы с социальным неравенством и общественной апатией более чем на десятилетие. Из десяти стран мира с самыми высокими индексами неравенства пять по-прежнему находятся в Латинской Америке, при этом бед-

нейшие 20% ее жителей имеют лишь 2,9% от общих доходов, тогда как наиболее состоятельные 20% располагают 57,8%. (В Азии на беднейшие слои приходится 8,7% и даже в Африке эти контрасты не столь велики). Характерно, что в экономически более развитых и политически стабильных Бразилии, Мексике и Чили на долю 10% самых состоятельных слоев падает 42% национального дохода¹. В этом плане не столько бедность – этот привычный *modus vivendi* для большинства латиноамериканцев в XIX и XX вв., сколько сохранение *социального неравенства в условиях завышенных общественных ожиданий* (пропаганда ценностей общества потребления, «равенства возможностей» и «общедоступности» источников обогащения, насаждаемый культ стяжательства и аморализма при ослаблении правоохранительной функции государства) *следует считать главной причиной экспоненциального роста ТОП в некоторых странах ЛКА за последние два десятилетия.*

Существующие различия в географическом положении, экономических потенциалах, степени сплоченности общества и развитости демократических институтов, исторические традиции и наследие коренного населения также, разумеется, повлияли на распределение «отраслей» оргпреступности по их «значимости» для той или иной страны. Это, прежде всего, наркотрафик, различные виды контрабанды (оружия, контрафактной продукции, перевозка нелегальных мигрантов, поставки живого товара, включая детей. на рынок сексуальных услуг, поставки человеческих органов для пересадки), торговля нелегальной продукцией (прекурсоров, фармацевтических препаратов рецептурного доступа, новых искусственных наркотиков и электронных носителей информации), изготовление фальшивых документов и банковских карт, торговля краденым (автомобили,

¹ www.infolatam.com, 16.V.2012.

мобильники, драгоценности и т.д.), нелегальные лотереи. Однако общие закономерности генезиса и вызревания ТОП можно проследить достаточно четко. При этом наличие ряда подписанных странами ЛКА международных конвенций по противодействию ТОП (Палермская конвенция 2003 г., документы Управления ООН по наркотикам и преступности, Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовной юстиции и др.) никак или почти никак не сказалось на ее масштабах и степени проникновения преступных кланов в структуры государства и общества.

Криминальная активность в странах ЛКА многолика. Наряду с привычными для большинства стран вариантами семейного насилия, уличных грабежей и мелкого воровства, гендерного насилия, коррупции, превышения полномочий силовых структур и организованной преступности, в условиях глобализации окрепли сети ТОП, связанной с наркотрафиком, контрабандой оружия, золота и драгоценных камней, торговлей живым товаром и отмыванием денег. Этот «верхний этаж» преступного мира оказывает растлевающее и деморализующее воздействие на беднейшие слои, предоставляя им возможности случайного заработка и внедряя в их сознание стандарты жизненного успеха, достигаемого главарями наркомафий путем насилия, вымогательств и рейдерства. «Нижний этаж» криминального здания занимают малые соседские или родственные группы, которые еще не обзавелись собственной символикой и устойчивыми интересами в нелегальном бизнесе, а потому выполняют разовые поручения старших, но и их роль в распространении насилия и субкультуры страха весьма существенна. «Средний», но более опасный в социальном плане «этаж» занимают выросшие на улице жители беднейших районов, сплоченные в банды: первоначально в *pandillas* – локальные группы, представляющие первое поколение молодежной преступности с преобладанием горизонтальных

связей и без четкого лидерства, а затем в *maras* – дислоцирующиеся по месту жительства преступные шайки, охраняющие свои кварталы от вторжения чужаков и пробавляющиеся мелкими кражами и вымогательством, которые относятся уже ко второму поколению. Из их числа рекрутируются наемные киллеры.

В основе криминализации жителей бедных районов, помимо собственно бедности, лежат безнадзорность детей и подростков, отсутствие возможностей получить образование и работу. Например, в Гондурасе, где молодежь в возрасте от 15 до 24 лет составляет 30% населения, а 65% жителей живет меньше, чем на 2 долл. в день, именно банды дают прибежище молодым беднякам, исключенным из жизни общества¹. Подобная участь подрастающего поколения неизбежно сулит его криминализацию.

Изменение подходов граждан к роли государства и его правоохранительных органов прямо отразилось на статистических показателях. Как показывают данные опроса, полученные «Latinobarómetro», весной 2011 г. в 10 из 19 стран уровень доверия к полиции ниже, чем в среднем по региону (66%), что свидетельствует о неудовлетворенности граждан работой этого важного института государства. Показательно и явное нежелание большинства латиноамериканцев обращаться к представителям власти с информацией о свершившихся преступлениях. В среднем по региону оно составляет 16%. Только в Перу и Аргентине доля граждан, информирующих полицию об инцидентах, 20%, тогда как в остальных странах колеблется от 7% в Гондурасе до 19% в Чили².

¹ Ibidem.

² Lagos M., Dammert L. La seguridad ciudadana, el problema principal de América Latina // Corporación Latinobarómetro. Santiago de Chile. 9.V.2012; Manrique G. El negocio del crimen y la seguridad // www.infolatam.com, 16.V.2012.

О современном уровне правосознания латиноамериканцев дают некоторое представление шокирующие сведения об оправданности ими покупок пиратской продукции. Парадоксальным образом общий показатель характеризует столь различные по уровню развития страны, как Бразилия и Боливия (22%), Чили, Гондурас и Венесуэла (20%) и Эквадор (23%)¹. Такие показатели, с одной стороны, могут расцениваться как признаки отчуждения граждан от правовых норм, что также говорит об эрозии государства. С другой стороны, их можно рассматривать как принятие в молодежной среде стандартов, отвечающих потребностям поколения, которое не учится, не работает (так называемое поколение «ни-ни») и представляет из себя резерв для пополнения криминала.

Еще более тревожные показатели связаны с оценкой эффективности существующих политических режимов и роли государства в борьбе с преступностью. Только в одной стране – Никарагуа более половины населения (53%) считает, что демократия защищает граждан от преступности, в девяти странах этот показатель превышает средний по региону и составляет более 30%. Самые же низкие показатели наблюдаются в Парагвае (18%), Гондурасе (23%) и Аргентине. Тем не менее только в Коста-Рике 50,8% граждан выступает за политику «жесткой руки» по отношению к организованной преступности, минимальный показатель (15,7%) наблюдается в Венесуэле. В то же время абсолютное большинство респондентов выступает за ужесточение наказания (от 77,8% в Уругвае до 93,9% в Перу)². При этом

¹ Corporación Latinobarómetro. Informe 2013. Santiago de Chile, 2013. P. 60.

² PNUD. Informe regional de desarrollo humano 2013-2014. Seguridad ciudadana con rostro humano: diagnóstico y propuestas para América Latina. Nueva York, 2013. P. 101.

число сторонников жестких мер не зависит от уровня преступности в конкретной стране.

Низкий уровень доверия граждан к силовым структурам, прежде всего, к полиции, и скептическое отношение к эффективности государства в целом пока не изменило отношения граждан к демократии. По данным «Latinobarómetro» за 2013 г., по региону 56% респондентов предпочитают демократию любой другой форме правления, и только 16% готовы оправдать авторитаризм, 20% безразличны к той или иной форме правления. Самый высокий процент сторонников демократии наблюдается в Венесуэле (87%), Аргентине (73%) и Уругвае (71%), самый низкий – в Гондурасе (44%), Гватемале (41%) и Мексике (37%), однако и в этих странах с относительно высоким уровнем преступности сторонники авторитаризма составляют, соответственно, 14, 19 и 16%¹. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что демократия в большинстве стран ЛКА, серьезно пострадавших от всевластия военных режимов в конце прошлого столетия, рассматривается в качестве *безальтернативной формы правления*. В дилемме: «демократия – безопасность» они *пока что* отдают приоритет демократии, справедливо считая ее гарантом безопасности. Это, однако, не исключает того, что латиноамериканцы *хотят видеть демократические институты более приспособленными к страновым и общественным реалиям, конкретным нуждам и чаяниям людей*.

¹ Ibidem.

3. КОНВЕРГЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ГЛАВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

З.В. Ивановский

3.1. Экспансия наркобизнеса

В Латинской Америке производятся все виды наркотиков, однако в силу климатических условий монополию на выращивание коки и производство кокаина сохраняют страны *Андского субрегиона* (Колумбия, Боливия, Перу, Эквадор). По данным доклада Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) за 2013 г., численность потребителей кокаина в мире составляет 17 млн чел. (0,37% населения 15-64 лет). Крупнейшими рынками сбыта этого наркотика остаются Северная Америка, Западная и Центральная Европа (около половины мирового потребления), значительный рост отмечается в некоторых районах Юго-Восточной Азии (особенно в Гонконге), а также в самой Латинской Америке, прежде всего, в странах Южного Конуса и Бразилии. Это связано с улучшением экономической ситуации в регионе, ростом потребительских ожиданий и пропагандой гедонистического образа жизни, использованием для наркоторговли сети интернет и т.д. Негативную роль играет и позиция стран с высоким удельным весом коренного населения, традиционно потребляющего коку (Боливия, Эквадор, Перу).

По последним данным, под кокой занято 155,6 тыс. га, эти посевы сократились на 14% по сравнению с 2007 г. и на 30% по сравнению с 2000 годом. По разным оценкам, объем производимого кокаина составляет от 776 до 1051 тонн¹. Происходит перераспределение посевов: после 2000 г. в

¹ UNODC. World Drug Report 2013. Vienna, 2013. P. x.

Колумбии занятая под кокой площадь сократилась на 50%, в то время как в Перу и Боливии отмечается определенный рост (42% коки выращивается в Колумбии, 40% в Перу и 18% в Боливии)¹. Распространение новых технологий привело к повышению урожайности коки и получению из сырья большего количества пасты и кокаина.

Основные изменения в наркопроизводстве и наркоторговле сводятся к следующему:

- на смену национальным ее отрядам пришла транснациональная организованная преступность, конкурирующая на глобальном рынке наркотиков;

- усилился боевой потенциал наркокартелей, которые располагают современными видами стрелкового оружия, связи и транспортных средств (от легких самолетов, катеров до подводных лодок);

- транснациональная оргпреступность использует труднодоступные районы как для наркопосевов и лабораторий, так и для складских помещений и взлетно-посадочных полос;

- произошло дробление (или исчезновение) старых картелей, вступивших в ассоциации с партнерами по криминальному бизнесу, одновременно возникли виды крайне агрессивных организаций, использующие террористические методы;

- наблюдается диверсификация деятельности картелей, которые наряду с наркотрафиком занимаются контрабандой оружия и прекурсоров, торговлей людьми и контрафактной продукцией, организацией незаконной миграции и т.д.

- развитие кооперации между наркомафиями разных стран сопровождается их жестким соперничеством за кон-

¹ ОЕА. El problema de las drogas en las Américas 2013. Washington, 2013. P. 29-31.

троль над маршрутами наркотрафика и появлением новых субъектов на сверхприбыльном глобальном рынке;

– в результате бурного роста наркоторговли и проникновения наркодельцов в социальную ткань общества увеличилось число наркозависимых, что представляет непосредственную угрозу здоровью и генетическому потенциалу латиноамериканцев.

В связи с сокращением потребления кокаина в США и увеличением его спроса на европейском рынке произошли также заметные перемены в географии наркопотоков, главные пути наркотрафика сместились в сторону тихоокеанского побережья Мексики и Центральной Америки (до 80% кокаина, попадающего в США). Еще один маршрут пролегает через Эквадор, часть кокаина направляется через Венесуэлу в страны Карибского бассейна или Центральную Америку как морским, так и воздушным путем. Перуанский и боливийский кокаин пересекает различные страны Южной Америки, часть используется для внутреннего потребления, а остальной через Карибы и Западную Африку направляется в Европу, Азию и на Ближний Восток.

В Европу кокаин попадает по четырем маршрутам:

Атлантический – через Карибские острова, Испанию и Португалию;

из Южной Америки – через о-ва Зеленого Мыса (Кабо-Верде) и Канарские острова в Европу, в основном через Португалию;

из Венесуэлы и других стран Южной Америки – через Западную Африку в Португалию и Испанию;

из Бразилии, Венесуэлы и Эквадора в порты Испании, Португалии и Нидерландов¹. Среди транзитных африкан-

¹ EMCDDA. 2012 Annual Report on the State of the Drugs Problem in Europe. P. 60-65.

ских стран ведущую роль играют Сенегал, Гвинея, Гвинея-Биссау, Мали и Сьерра-Леоне¹.

За время пути от сборщика листьев коки до конечного потребителя кокаина его стоимость возрастает примерно в 500 раз, при этом сборщикам коки достается только 1% доходов, около 9% – транзитерам и 65% – розничным продавцам стран потребителей².

В результате этот нелегальный и крайне прибыльный бизнес оказался самым тесным образом связан с экономическими преступлениями, прежде всего с коррупцией и отмыванием денег. По данным «Transparency International», три четверти латиноамериканских стран занимают позиции в нижней части таблицы мирового рейтинга по уровню восприятия коррупции. Наиболее коррумпированные страны региона – Гондурас, Парагвай, Венесуэла и Гаити. За прошедшее десятилетие в большинстве стран динамика остается крайне нестабильной, а в некоторых индекс восприятия коррупции в отдельные годы ухудшается. В ряде случаев проникновение организованной преступности в государственные институты приводит к их деформации, затрагивает не только представителей силовых структур, но и законодательную и исполнительную власть. Еще одним направлением коррупционной деятельности стало отмывание денег и создание т.н. серых зон экономики (в среднем доступны для отмывания 92% доходов от кокаина у оптовиков и 46% – у розничных торговцев)³.

Самым негативным последствием наркотрафика стала охватившая регион волна насилия (хотя в каждой отдельной стране наркотики являются не единственной, а иногда и не

¹ Цит. по: ОЕА. El problema de las drogas en las Américas 2013. Washington, 2013. P. 48.

² Ibid. P. 56-57.

³ Ibid. P. 59.

главной его причиной). Уровень насилия в странах-потребителях сравнительно низкий по сравнению со странами-транзитерами¹. Основные криминальные субъекты – мексиканские наркокартели, колумбийские криминальные банды, бразильские «коммандос» и центральноамериканские «марас». В районах традиционного выращивания коки организованная преступность связана и с деятельностью леворадикальных организаций. В Колумбии они не ограничиваются «крышеванием» наркоторговцев и сами превратились в своего рода наркокартель.

Анализ политики латиноамериканских правительств по борьбе с наркотиками в начале нынешнего века свидетельствует об отсутствии у них единого подхода к решению этой болезненной проблемы. Так, в то время, когда на саммите глав государств и правительств Западного полушария в апреле 2012 г. в колумбийском г. Картахена США и Канада настаивали на продолжении репрессивных мер в борьбе с наркомафией, президент Гватемалы О. Перес Молина предложил создать регулируемый рынок запрещенных препаратов, что фактически означало бы не только декриминализацию, но и легализацию наркотиков. Более осторожную позицию занял президент Колумбии Х.М. Сантос, допустивший возможность декриминализации наркотиков при выработке единой позиции всем мировым сообществом. Между тем нижняя палата Национальной ассамблеи Уругвая приняла закон о легализации использования марихуаны. К дебатам о легализации наркотиков подключилась и Революционные вооруженные силы Колумбии (FARC), выступающие в защиту производителей коки. Напротив, Бразилия и Никарагуа по-прежнему выступили за комплексный системный подход к борьбе с наркоугрозой на основе международного сотрудничества. В целом к середине 2013 г. 12

¹ Ibid. P. 79.

стран региона отменили уголовное наказание за личное потребление наркотиков и определили дозу каждого из наркотиков, которую может иметь каждый гражданин. Наркозависимость стала рассматриваться как медицинская проблема¹. Сторонники либерализации считают, что подобная мера приведет к падению цен на наркотики, снижению уровня насилия, уменьшению смертности от передозировки, снижению уровня коррупции, снижению заболеваемости СПИДом и гепатитом С. Тем не менее общественное мнение по этому вопросу далеко не единодушно.

Созданная по инициативе ОАГ авторитетная международная комиссия разработала четыре возможных сценария развития ситуации на 2013-2025 годы.

1. Сценарий «Вместе» (Juntos) предлагает укреплять правовое государство, повышать профессионализацию и модернизацию демократических институтов, активизировать диалог между государством и гражданским обществом. Основной упор делается не на изъятии наркотиков, а на предотвращении преступлений, насилия и коррупции. Важная роль отводится повышению профессионализма силовых структур. В случае успешной реализации этого сценария к 2025 г. государства установят полный контроль над всей территорией, государственные институты будут меньше подвержены воздействию организованной преступности, криминал не сможет проникать во власть, будут ликвидированы самые опасные наркокартели. Торговля наркотиками существенно уменьшится, хотя и сохранится, в то же время весь регион станет менее насильственным и менее коррумпированным.

2. Сценарий поиска альтернативных путей (Caminos) основывается на усилении давления на страны-потребители

¹ www.infolatam.com/2013/11/05/aumenta-en-america-la-tendencia-de-despenalizar-el-consumo-personal-de-droga

и на легализации наркотиков, начиная в первую очередь с легких, что позволит избежать передозировки и использования некачественных наркотиков, контролировать их производство и потребление, ликвидировать незаконные рынки и лишить организованную преступность доходов, а также направить сэкономленные на репрессивном аппарате средства на лечение и реабилитацию наркоманов.

3. Гибкий комплексный сценарий (Resiliencia) предлагает сосредоточить усилия на борьбе с преодолением социальных и экономических дисфункций, которые вызывают насилие и пристрастие к наркотикам, улучшением здравоохранения и образования, активизации совместной деятельности общин и неправительственных организаций по профилактике наркомании, вовлечение участников преступных группировок в культурные и спортивные мероприятия, создание рабочих мест для молодежи, работу с родителями, особенно в семьях с низким уровнем образования и низкими доходами. Активная роль при этом отводится государству, общественным и религиозным организациям, частному сектору. Очевидно, что при данном сценарии к 2025 г. можно надеяться на ослабление остроты их самых тяжелых социальных проблем.

4. При свертывании борьбы с наркотрафиком (Ruptura) преступное сообщество завоевывает все большее влияние в обществе благодаря финансированию социальных объектов и сращиванию с государством. Транснациональный криминал вкладывает миллиарды долларов в экономику и добивается соблюдения определенных правил игры. Наркобароны превращаются в уважаемых членов общества, а указанные страны превращаются в наркогосударства. Позиция стран-потребителей и международного сообщества игнорируется. Хотя в отдельных странах социальная и криминальная ситуация улучшается, растет напря-

женность между соседними государствами и в международном сообществе в целом¹.

Авторы оставили открытым вопрос о предпочтительности и реальности воплощения в жизнь этих сценариев. Очевидно, что для международного сообщества наиболее приемлемыми представляются первый и третий, хотя их потенциальные результаты не столь очевидны и впечатляющи. Второй сценарий содержит слишком много рисков, поскольку декриминализация и легализация наркотиков может привести к расширению числа потребителей и миграции организованной преступности в другие сферы деятельности. Четвертый сценарий однозначно можно определить как катастрофический.

Вне всякого сомнения, борьба с наркотрафиком требует объединения усилий мирового сообщества. Положительную роль могла бы сыграть унификация международного законодательства, которое будет опережать появление новых психоактивных веществ, предполагать повышение ответственности стран-потребителей и экстрадицию преступников, исключаящую неизбежность наказания. Немаловажно и международное сотрудничество в борьбе с отмыванием денег, финансовыми оазисами и коррупцией вплоть до нарушения тайны вклада и контроля над зарубежной собственностью.

Все эти меры, однако, выглядят паллиативными на фоне роста потребления наркотиков в мире, связанным с пропагандой гедонистического образа жизни и абсолютизацией «прав» человека в ущерб его обязанностям перед обществом и перед самим собой. На фоне искусственного разрыва связки «спрос – предложение» теряется адекватность понимания проблемы и всей тяжести ее решения на фоне не-

¹ См. подробнее: ОЕА. Escenarios para el problema de drogas en las Américas 2013-2025. Washington, 2013.

способности мирового сообщества справиться с самими причинами этого зла. К тому же, одностороннее акцентирование борьбы с «предложением» генерирует дополнительную напряженность между развивающимися (в данном случае – латиноамериканскими) и развитыми государствами, которые настаивают на репрессивных методах борьбы (уничтожение посевов коки с помощью химикатов, экстерриториальные полномочия американских агентов по борьбе с наркотиками, понуждение к заключению договоров о выдаче, создание военных баз под вывеской «антинаркотических центров» и т.д.).

Очевидно, что императивы комплексной борьбы с наркобизнесом во всем мире, в том числе и в России, требуют изучения незаконного распространения наркотиков, прежде всего, как социального явления, которое может быть правильно понято и оценено лишь при условии его рассмотрения¹ в развитии и в связи с другими видами ТОП, прежде всего с коррупцией. При этом транснационализация наркобизнеса, его наступательная стратегия во многом связаны с тем, что к традиционным причинам, порождающим это зло (бедность, социальное неравенство, психологическая фрустрация и т.д.), добавляются новые факторы, сопутствующие той глобализации, которая осуществляется по стандартам общества потребления.

Яркой иллюстрацией этого является переход большинства латиноамериканских стран из категории «производителей» и «транзитеров» наркотических средств в категорию «потребителей». Так, по данным Межамериканской комиссии по борьбе с наркотиками (СICAD), потребление марихуаны в Бразилии увеличилось в 2011 г. по сравнению с 2005 на 2,6%, а кокаина – на 0,73%. Эти цифры хоть и

¹ Подробнее см.: Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза. М.: ИЛА РАН, 2002.

«бледнеют» на фоне роста потребления в США (марихуаны – на 11,0% и кокаина – на 1,9%).¹, но все равно превращают Бразилию в крупнейшего потребителя наркотиков в Южной Америке. Императивы комплексной борьбы с наркобизнесом требуют изучения незаконного распространения наркотиков, прежде всего, как *социального и культурного явления*, которое может быть правильно понято и оценено лишь при условии его рассмотрения в развитии и в связи с другими видами транснациональной оргпреступности и в первую очередь с коррупцией. При этом растущая на глазах *транснационализация* наркобизнеса и его наступательная стратегия во многом связаны с тем, что к традиционным причинам, порождающим это зло (бедность, социальное неравенство, психологическая фрустрация и т.д.) добавляются новые факторы, сопутствующие той экономической, финансовой, торговой, информационной и другим видам глобализации, которая осуществляется по стандартам общества потребления.

Возможно, такая политика со временем докажет свою большую эффективность по сравнению с дискредитировавшим себя силовым подходом. Вместе с тем любые меры, даже самые «продвинутые», по борьбе с производством и распространением наркотиков выглядят паллиативами на фоне константного *увеличения их потребления* в мире. А это есть ни что иное, как практическое выражение «священного» экономического интереса, подкрепленного пропагандой гедонистического образа жизни, когда любое «право» человека (в том числе и право уничтожить себя как *личность*) котируется выше, чем его обязанности перед обществом и перед самим собой.

¹ Ibidem.

3.2. Терроризм и оргпреступность

Международный, как и внутригосударственный, терроризм представляет *комплексное явление*, требующее рассмотрения в конкретном историческом, социально-политическом, культурно-психологическом контекстах, а также в неразрывной связи со всеми другими формами конвергентной преступности*. Стало уже общим местом говорить, что терроризм «многолик». Особенно многолик он в странах Латинской Америки, которые испытали на себе удары террористического подполья и выработали собственные подходы к борьбе с этим злом.

Терроризм давно, с начала 60-х годов XX столетия, получил «прописку» в странах латиноамериканского региона. *Левый антисистемный терроризм*, который захлестнул их в 60-е и 70-е годы и получил название «эпоха партизанщины», был обусловлен наличием как внешнего (появление революционной Кубы, спонсировавшей практически все леворадикальные движения), так и внутреннего фактора (бедность, социальное неравенство, внутривнутриполитическая нестабильность). Однако оба эти фактора действовали крайне разнонаправленно, в результате чего идея «континентальной революции» провалилась, доказав экзогенность социально-политических доктрин марксизма-ленинизма, маоизма и троцкизма применительно к конкретным латиноамериканским реалиям. Военным, взявшим на себя основное бремя борьбы с «партизанщиной», удалось не без поддержки США довольно быстро с ней справиться путем установления репрессивных военно-диктаторских режимов.

* Американский ученый С. Хоффман метко назвал современный терроризм «отравленным плодом взаимодействия самых различных сил».

Последние, однако, существенно замедлили темпы экономического и социально-политического развития своих государств, что явилось причиной так называемого «потерянного десятилетия» 80-х годов. В свою очередь обострившиеся социально-экономические проблемы закономерным образом пополнили контингент людей, которые стали питательной средой для развития ТОО в 90-е годы и повлекли за собой возникновение «второй волны» леворадикального терроризма в ряде стран (Перу, Мексика, Колумбия).

После крушения «мировой системы социализма», спонсировавшей леворадикальные движения в регионе, они начали постепенно утрачивать свою социально-политическую направленность, все больше прибегая к криминальным методам «самофинансирования», что стало особо зримым на примере FARC (Колумбия) и «Sendero Luminoso» (Перу). При этом «классическое» понимание терроризма как «уголовного преступления в сфере политики» начало все активнее смещаться в сторону восприятия этого феномена как чисто уголовного явления.

Уход от власти военных и попытка конструктивного осмысления произошедшего позволили аналитикам и государственным деятелям ведущих стран региона принять в 90-е годы такие концепции национальной обороны и безопасности, где терроризм рассматривался *комплексно*, как следствие не только вмешательства со стороны внешних сил, но и как продукт вызревания внутривострановых проблем. Его связь с другими видами нелегитимного (криминального) насилия не подвергалась в этих документах сомнению, а акцент в борьбе с ним делался на *профилактику и межгосударственное сотрудничество*. Во многих из них социально-политический терроризм зачастую рассматривался как некое *превышение (часто многократное!) со стороны одиночек и отдельных социальных структур мер необходимой самообороны в ответ на нерешенные соци-*

*ально-экономические, политические и духовные проблемы государства и общества*¹.

Что касается противодействия терроризму «извне», то опыт латиноамериканских стран подсказал им необходимость исключения «двойных стандартов» со стороны в первую очередь США, о чем свидетельствовала их попытка добиться разработки юридического определения «терроризм» для включения его в Межамериканскую («Бриджтаунскую») конвенцию 2002 г., а также их стремление внедрить в международную практику понятие «*государственный терроризм*» (согласно решению Международного суда в Гааге по спору между США и Никарагуа 1986 г.). Неудача обеих этих попыток (США отказались от выработки определения терроризма, опасаясь легитимизации понятия «*государственный терроризм*») не «охладил» стремления латиноамериканских стран противодействовать попыткам Вашингтона использовать эту образовавшуюся в международном праве лакуну в своих интересах. Они последовательно отвергают всякое нелегитимное без санкции Совбеза ООН вмешательство во внутренние дела суверенных государств, практику так называемой «гуманитарной интервенции» и «превентивных ударов» под предлогом «борьбы с международным терроризмом».

К концу первого десятилетия нового века ситуация с «классическим» лево- и праворадикальным терроризмом в странах ЛКА, еще недавно вызывавшая всеобщее беспокойство^{*}, казалось бы, вошла в более «спокойное русло». Вслед

¹ Подробнее см.: Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества: латиноамериканский вектор. М.: Наука, 2006.

^{*} После событий 11 сентября 2001 г. проблема борьбы с терроризмом вышла на первый план в межамериканской концепции безопасности и заняла достойное место в доктринах безопасности некоторых латиноамериканских государств. По мере «затухания» партизанской активно-

за этим постепенно стала затухать активность организаций *социально-этнической* направленности («Сапатистский фронт национального освобождения Мексики – FZLN, «Sendero Luminoso» – в Перу), которым многие обозреватели еще в 90-е годы прошлого века прочили «большое будущее». Старейшая и наиболее опытная партизанская структура в регионе – колумбийская FARC в 2013 г. вступила в переговоры с правительством Колумбии и ее ранее бурная «системная» деятельность (нападения на военные гарнизоны, похищения людей, подрывы линий электропередач, газо- и нефтепроводов) сократилась до рамок изолированных терактов.

При этом следовало отметить полное (или почти полное) отсутствие в латиноамериканских странах вплоть до сегодняшнего времени *религиозно-мотивированного терроризма*, несмотря на то, что в 90-е годы отмечались попытки некоторых организаций исламского мира («Хезболла») наладить сотрудничество с криминально-террористическими структурами в районе «тройной границы» (Аргентина, Бразилия, Парагвай), а также с представителями FZLN в Мексике¹.

Однако если посмотреть на таблицу 1, то ситуация с терроризмом покажется еще далекой от своего разрешения.

Почему терроризм, который, казалось бы, «пошел на убыль» все еще занимает второе место среди угроз национальной безопасности странам Латинской Америки? На наш взгляд, дело тут, во-первых, в отсутствии четкого определения «*что* такое «терроризм» и «*кто* такие террористы». Причем эта ситуация характерна не только для Латинской

сти в странах региона она стала постепенно отходить на второй план, уступая место более насущным проблемам.

¹ Трансграничный терроризм. С. 117-124.

Америки, но и для остального мира. Во-вторых, на фоне

Таблица 1

Рейтинг восприятия угроз безопасности по субрегионам
Латинской Америки

МЕРКОСУР	АНДСКИЕ СТРАНЫ	ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА	КАРИБЫ
Наркотрафик	Наркотрафик	Наркотрафик	Наркотрафик
<i>Терроризм</i>	<i>Терроризм</i>	<i>Терроризм</i>	<i>Терроризм</i>
Торговля оружием	Бедность и социальная незащищенность	Окружающая среда и природные бедствия	Бедность и социальная незащищенность
Организованная преступность	Партизаны и незаконные вооруженные формирования	Организованная преступность	Окружающая среда и природные бедствия
Окружающая среда и природные бедствия	Торговля оружием	Бедность и социальная незащищенность	Торговля оружием
Бедность и социальная незащищенность	Организованная преступность	Торговля оружием	Организованная преступность
Партизаны и незаконные вооруженные формирования	Окружающая среда и природные бедствия	Партизаны и незаконные вооруженные формирования	

Источник: Rojas Aravena F. II Informe del Secretario General de FLACSO: El crimen organizado internacional: una grave amenaza a la democracia en América Latina y el Caribe. San José: FLACSO, 2011. P. 16.

максимально широкой трактовки понятия «терроризм» в условиях транснационализации и конвергенции всех видов преступной деятельности под понятие «терроризм» отныне

попадают практически любые преступные действия, так или иначе имеющие *политические* продолжение (а это может быть и контрабанда оружия, и коррупция, и похищение людей, и наркоторговля как средство для извлечения политических дивидендов). К тому же после начала событий на Украине слово «террорист» при отсутствии четкой юридической атрибуции, может применяться в отношении практически уже *любых* людей (в зависимости от их отношения к тому, кто дает такое определение). Сегодня, в условиях крайней политизации общественной жизни вообще *любое* преступление при желании можно свести к политическому контексту.

В то же время, говоря о *латиноамериканском* терроризме, нельзя исключать его историческую и цивилизационно-культурную канву. «В Колумбии, – отмечал известный специалист по этике ведения бизнеса и кросс-культурной коммуникации Р. Льюис, – произошло более десяти гражданских войн. Эти внутренние конфликты оказали очень сильное воздействие на умы и менталитет колумбийцев. По натуре колумбийцы – не агрессивные люди, но такое огромное количество внутренних конфликтов заставило их все принимать в штыки и быть менее терпимыми». Как следствие этого Р. Льюис отмечает «плохое соотношение между законом и реальной жизнью» в этой стране¹. Думается, однако, что его выводы применимы в большей или меньшей степени и к другим государствам Латинской Америки.

Тем не менее даже учитывая это обстоятельство, латиноамериканские подходы к решению проблемы терроризма заслуживают самого пристального внимания. В своей основе они сочетают в себе комплексный подход (с учетом фактора конвергентности ТОП), реалистичность и упор на про-

¹ Льюис Р. Столкновение культур. М., 2013. С. 591.

филактические действия. Привлекает внимание и стремление ведущих государств региона максимально «юридизировать» данную проблему, для того чтобы по мере возможности исключить применение двойных стандартов. В этой связи представляется желательным продолжить и активизировать начавшиеся контакты между заинтересованными ведомствами РФ и некоторых ведущих латиноамериканских государств (Бразилия), распространив их на остальные страны региона. Необходимо также реализовать идею проведения *постоянного диалога между юристами* (как учеными, так и практиками) РФ и ведущих латиноамериканских стран с целью выработки и предложения юридически значимого определения терроризма. Однако главным в борьбе с ТОП в современных условиях был и остается комплексный подход, не позволяющий отрывать один вид организованной преступности от другого.

Сегодня все больше стираются грани между терроризмом как политически-мотивированным насилием и *криминальной оргпреступностью*. На примере Латинской Америки это наглядно предстает в виде формирования так называемых «серых зон», где криминальные структуры и мафия начинают *de facto* подменять собой органы местного самоуправления, пытаются влиять на избирательные процессы, «ангажируют» СМИ и плодят «агентов влияния».

Самые жестокие банды оргпреступности, как, например, сальвадорские *Mara Salvatrucha (MS-13)* и *Mara 31 Street*, возникли на базе криминальных организаций эмигрантов из стран Центральной Америки, которые сложились в мегаполисах США в 1990-е годы. Можно предположить в этой связи, что особенности их пребывания в *иноцивилизационной* социально-культурной среде наложили дополнительный негативный отпечаток на образ мысли и манеру «ведения дел» членами этих банд. Многие из них, будучи депортированы затем в Латинскую Америку, заметно расширили

диапазон своих противоправных акций в сторону установления контроля над госструктурами, отойдя от первоначальных функций защиты групповых интересов в районах своего проживания. При этом они сохранили старые криминальные связи со своими «филиалами» и «ответвлениями» в США, что обусловило их новый, *транснациональный* и *сетевой* характер.

Члены молодежных банд отстаивают свою идентичность общей символикой, которая репродуцируется в татуировках, стиле одежды и граффити, подтверждается актами вандализма и насилия, кражами и грабежами. Они имеют четкую иерархию лидеров и связи на национальном и транснациональном уровнях. Именно «марас» вовлекаются в криминальную деятельность в сфере наркотрафика, наркодилерства и отмывания денег. Аналитики высказывают опасения в связи с перспективой скорого появления уже *третьего поколения* банд, построенных по сетевому принципу. Их сложные структуры, связанные с ТОП, вполне позволяют им преследовать политические цели и претендовать на статус «террористических». В общественном сознании банды «марас» давно уже характеризуются именно как таковые, а их участники, главным образом подростки и молодежь в возрасте от 12 до 24 лет, именуется «террористами». На этом примере особенно хорошо просматривается органическая связь, установившаяся между криминальной оргпреступностью, терроризмом и наркотрафиком¹.

В первое десятилетие нынешнего века насилие, развязанное криминальными группировками, привело к резкому ухудшению общественной безопасности в Гондурасе, Сальвадоре и Гватемале – государствах «северного треугольника» Центральной Америки, и постепенно перекинулось на соседние страны. Только в Центральной Америке в 2010 г.

¹ Трансграничный терроризм. С. 103-107.

насчитывалось свыше 900 банд, объединявших около 70 тыс. человек¹. Причиной высокого уровня криминального насилия в субрегионе стали следующие факторы:

- экспансия мексиканских наркокартелей в соседнюю Центральную Америку;
- изменение маршрутов наркотрафика из Южной Америки в Мексику и США вследствие антинаркотической стратегии, реализуемой Колумбией;
- высокая норма прибыли от транспортировки наркотиков через порты тихоокеанского и карибского побережья;
- легкая проницаемость мексиканско-гватемальской границы для различных преступных организаций;
- коррумпированность и непрофессионализм полицейских служб, «крышевание» ими наркомафий, торговцев оружием и живым товаром. Само распространение насилия оказало и продолжает оказывать деформирующее воздействие на общественную мораль и заметно понизило порог допустимых методов при разрешении межличностных и групповых конфликтов.

Не находя действенных способов противостоять многоликому насилию, вольно или невольно общество адаптируется к нему. Причем адаптация принимает формы, зачастую далекие от общепринятых норм и граничащие с патологическими проявлениями. Так, все большее число латиноамериканцев подвержено фрустрации и страдает комплексом жертвы. Опасения стать жертвой насилия испытывают 50% костариканцев, 49% венесуэльцев, 47% бразильцев и мексиканцев, 45% гватемальцев, 44% парагвайцев, 43% эквадорцев, 42% сальвадорцев, 40% гондурасцев и 39% доминиканцев. Средний по региону показатель составляет те же 39%, ниже которого располагаются восемь стран, в Цен-

¹ Crime and Violence in Central America // World Bank. Washington, 2010. V. II. P.ii.

тральной Америке это Никарагуа и Панама (36 и 34%), в Андском – Колумбия, Боливия и Перу (35, 34 и 32%) и Южном конусе – Аргентина, Уругвай и Чили (29, 29 и 25%)¹.

Воспроизводство насилия прослеживается по самым разным направлениям: от участвовавших случаев изнасилований до кровавых разборок между конкурирующими наркокартелями, оспаривающими контроль за маршрутами наркотрафика. Не отстают от ТОП и угонщики автомобилей, и вымогатели, терроризирующие водителей и пассажиров автобусов. Разнообразные проявления насилия в период 2008-2013 гг. шли по нарастающей как в мегаполисах и портах, так и в ранее относительно спокойных сельских районах, через которые пролегали новые трассы наркоторговли.

Среди различных форм многоликого насилия наибольшую опасность для рядовых граждан представляют убийства, совершаемые как организованной преступностью, так и молодежными бандами, и обычными уголовниками. По оценке Регионального доклада Программы развития ООН, в 2013 г. численность убийств в регионе составляет 100 тыс. в год, Латинская Америка по-прежнему остается наиболее опасным регионом мира². В то же время, на наш взгляд, данный регион ни в коем случае нельзя рассматривать как единое целое, страновые ситуации различаются радикальным образом.

Сравнительно низкий показатель уровня убийств наблюдается в Аргентине (3,4 на 100 тыс. жителей, по данным за 2009 г.), на втором месте находится Чили (3,7 в 2011 г.), на третьем месте – Куба (5,0 в 2009 г.), четвертое место

¹ Lagos M., Dammert L. La seguridad ciudadana, el problema principal de América Latina. P. 40.

² Las políticas de “mano dura” contra la inseguridad no funcionan, según PNUD // www.infolatam.com/2013/11/13.

занимает Уругвай (5,9 в 2011 г.). Самый высокий показатель отмечается в Гондурасе (91,6, по данным за 2011 г.), второе место занимает Сальвадор (69,2 в 2009 г.), третье – Венесуэла (45,1 в 2010 г.), четвертое – Ямайка (40,9 в 2011 г.)¹.

За последнее десятилетие уровень убийств в целом стабилизировался и даже стал снижаться во многих странах. Наибольших успехов в этом направлении достигла Колумбия (снижение с 66,7 в 2000 г. до 31,4 в 2010 г.), Парагвай (24,1 в 2001 г. – 11,5 в 2009 г.) и Аргентина (с 9,2 в 2002 г. до 3,4 в 2009 г.). Обострение ситуации наблюдается в Мексике (с 8,1 в 2007 до 23,7 в 2011 г.), Гондурасе (с 51,1 в 2000 г. до 91,6 в 2011 г.), Белизе (с 16,4 в 2000 г. до 41,4 в 2010 г.) и Панаме (с 10,1 в 2000 г. до 21,6 в 2010 г.). Нестабильная ситуация отмечается на Ямайке, в Сальвадоре, в чуть меньшей степени – в Гайане и Суринаме. Для сравнения в 2010 г. показатели по преднамеренным убийствам в США составили 4,8, Канаде – 1,6, Германии – 0,8, в 2009 г. в Великобритании не превысили 1,2, во Франции – 1,1. В Российской Федерации аналогичные показатели в 2010 г. – 10,2².

Неблагоприятная картина, сложившаяся в Латинской Америке, ставит на повестку дня вопрос о *причинах* эрозии государства, неспособного справиться с растущей угрозой внутренней безопасности, вызванной волной организованного насилия. Очевидно, что для разрыва прочной цепи, скованной криминалом, коррупцией и безнаказанностью, необходима не только политическая воля правительств, но и значительные финансовые средства, которыми не располагают государства, оказавшиеся в эпицентре криминальной активности. Неслучайно для противодействия организованной преступности все чаще стали привлекаться армия и флот. Первой по этому пути пошла еще в 2006 г. Мексика,

¹ UNODC. Homicide Statistics 2012. Vienna, 2012.

² Ibidem.

позже ее примеру последовали сначала Гондурас, а затем Сальвадор и Гватемала.

Однако, как показал опыт этих и некоторых других государств, привлечение вооруженных сил к борьбе с преступностью не всегда эффективно, поскольку военные часто не имеют необходимой специальной подготовки для борьбы с криминалом. Подобный курс несет с собой не только угрозу милитаризации политики безопасности. При слабых институтах, дисфункции властей на местах, инерции военного авторитаризма, при явном недоверии населения к полиции и судебной системе это чревато пагубными последствиями для гражданского общества и сужает возможности консолидации демократии. К тому же, как показала практика борьбы с наркотрафиком в фавелах Рио-де-Жанейро при помощи армейских формирований в середине 90-х годов, простое введение войск без налаживания предварительной работы по лишению криминалитета экономической базы и общественной поддержки контрпродуктивно: сами военные начинают «подключаться» к криминальному бизнесу.

На фоне множащихся реальных угроз личной безопасности зажиточные и богатые семьи, не полагаясь на защиту полиции, предпочли обзавестись частной охраной, в то время как бедные и беднейшие слои оказались полностью беззащитными. Не получая защиты у государственных структур, социально исключенные граждане отвечают на царящее насилие акциями самосуда. Так, в Гватемале с 2004 по 2011 год количество случаев линчевания возросло на 400%, что свидетельствовало о явной деградации общественных нравов¹. И здесь также начинают просматриваться определенные параллели между «обычной» криминальной преступностью и политически мотивированным терроризмом,

¹ Council on Foreign Relations. Special Report. New York, 2012. N 64. P. 12.

когда в ответ на разгул разнообразных «партизан» левого толка отдельными гражданами и праворадикальными военными создавались «эскадроны смерти» («Тасуага» – Аргентина, АУС – Колумбия и пр.), призванные заместить государство там, где оно начинает давать «сбои».

В условиях ускорения процессов глобализации и контактов между людьми следует постоянно отслеживать изменчивость криминально-террористических структур, их способность быстро адаптироваться к поворотам государственной политики, проникать в легальный бизнес и механизмы управления на уровне муниципий и департаментов и даже на уровне национальных правительств. Необходимо трезво оценивать усилившиеся возможности влияния криминала на динамику электоральных процессов с учетом широких финансовых возможностей преступных кланов и наличия кадрового резерва в виде подрастающего в обстановке насилия и безнаказанности молодого поколения. Применяемая преступными сообществами тактика несет негативные последствия для нравственного здоровья общества, наносит ущерб экономическому развитию и подрывает основы политической демократии или, по крайней мере, препятствует ее консолидации.

При этом нельзя сбрасывать со счетов набирающие популярность в молодежной среде стандарты молодежной субкультуры, героизирующей наиболее успешных преступников и их жизненные стандарты. Создание особой *глобальной информационно-культурной среды*, воспевающей насилие и пропагандирующей культ «успеха любой ценой» – это еще один мощный фактор подпитки криминально-террористической деятельности. Яркие голливудские персонажи, разнообразные герои интернет-игр, гоняющиеся за бандитами и «успешно» побеждающие их, как правило, за рамками закона, когда «герой» сам себе – и закон, и порядок, и суд еще больше разрушают и без того тонкую ткань

доверия к власти, которая сохранилась в Латинской Америке.

На данный момент латиноамериканские общества лишены иммунитета против жестокости, культа легкой наживы и вседозволенности. При этом призывы властей к солидарности и социальной сплоченности, звучащие в условиях коррумпированности сотрудников полиции и пенитенциарной системы, продажности многих политиков и несбыточности обещаний популистских лидеров, зачастую тонут в атмосфере неверия, страха и обреченности, которые характерны для беднейших слоев латиноамериканского общества. В этом контексте *коррупция* выступает, зачастую, как *первооснова зла*, та «критическая точка» замкнутого круга оргпреступности, действенное нажатие на которую может обеспечить комплексное решение и других проблем внутренней безопасности.

М.Л. Чумакова

3.3. Коррупция

Одной из ключевых функций государства является защита населения от угроз, подрывающих внутреннюю безопасность страны. Сегодня речь идет о множественных, если не лавинообразных приметах кризиса общественной безопасности, в основе которого лежит коррупция. Этот кризис распространяется по странам Латинской Америки, вовлекающимся в глобализирующуюся экономику и ширящиеся информационные потоки, как стихийное бедствие. Коррупция для латиноамериканских стран – особое, *эндемичное* явление, которое во многом связано как собственно с историей и социально-экономическими реалиями этих государств, так и с их *цивилизационно-культурной спецификой*. Последнее, кстати, отчасти «роднит» латиноамериканские

страны с Россией (см. табл. 2), в которой борьба с коррупцией также неизбежно должна носить комплексный и долговременный характер.

По данным международной организации «Transparency International» (ТИ) в 2013 г. (полное отсутствие коррупции принимается за 10) наиболее коррумпированными странами в Латинской Америке стали Аргентина и Мексика, за которыми следовали Колумбия, Венесуэла, Боливия и Парагвай. В Аргентине и Мексике 72% и 71%, соответственно, населения считали, что за прошедший год коррупция в их странах выросла в разы.

Таблица 2

Индекс восприятия коррупции (рейтинг 2001-2013 г.)

В мире		2001	2005	2011	2012	2013
1	Новая Зеландия	9,4	9,6	9,4	9,5	9,0
20	Чили	7,5	7,3	6,7	7,2	7,2
20	Уругвай	5,1	5,9	6,7	7,0	7,2
48	Коста-Рика	4,5	4,2	5,3	4,8	5,4
58	Куба	...	3,8	4,4	4,2	4,8
69	Бразилия	4,0	3,7	3,7	3,8	4,3
83	Перу	4,1	3,5	3,7	3,4	3,8
83	Сальвадор	3,6	4,2	3,4	3,4	3,8
83	Панама	3,7	3,5	3,4	3,3	3,8
94	Колумбия	3,8	4,0	3,7	3,4	3,6
102	Аргентина	3,5	2,8	2,9	3,0	3,5
105	Мексика	3,7	3,5	3,3	3,0	3,4
105	Боливия	2,0	2,5	2,7	2,8	3,4
113	Гватемала	2,9	2,5	3,4	2,7	3,3
118	Эквадор	2,3	2,5	2,2	2,7	3,2

118	Доминиканская Республика	3,1	3,0	3,0	2,6	3,2
130	Никарагуа	2,4	2,6	2,5	2,5	2,9
133	Российская Федерация	2,3	2,4	2,2	2,4	2,8
133	Гондурас	2,7	2,6	2,5	2,6	2,8
150	Парагвай	-	2,1	2,1	2,2	2,5
165	Венесуэла	2,8	2,3	1,9	1,9	1,9
165	Гаити	-	1,8	1,8	1,8	1,9
174	Афганистан	-	2,5	1,3	1,5	0,8
174	Сомали	-	2,1	1,1	1,0	0,8

Источник: Transparency International. Annual Report. Berlin, 2013.

«Борьба с коррупцией, – заявил руководитель департамента Америк ТИ Алехандро Салас, – остается самой важной темой для латиноамериканцев». Наиболее коррумпированными структурами, согласно опросам общественного мнения, считаются политические партии (4,2 пункта из 5 – зашкаливающая коррупция»), затем идут полиция (4,0) и суды (3,9)¹.

Для понимания сути «взрывного» роста преступности в ряде латиноамериканских стран в последние 2-3 года уже недостаточно просто констатировать несовершенства социально-экономических и политических систем. Для начала необходимо попытаться определить, как влияет коррупция на неспособность государства гарантировать личную безопасность граждан и эффективно противодействовать разгулу преступности.

Среди причин роста насилия и столь характерного для жителей мегаполисов и портовых городов ощущения без-

¹ <http://www.infolatam.com/2013/07/10/argentina-y-mexico-los-mas-corruptos/>

защитности перед криминалом надо выделить, во-первых, *неэффективность полиции и правоохранительных ведомств*, погрязших в коррупции, а нередко и просто содержащихся на жаловании у преступных кланов. Прямым следствием подобной практики стала безнаказанность убийц и насильников. Для продажных и зачастую не имеющих специальной подготовки сотрудников уголовной полиции проще вообще не регистрировать преступление, чем заниматься хлопотным делом его расследования. В разложении сотрудников правоохранительных органов и их нередком соучастии в деятельности криминала ведущую роль играют финансовые ресурсы наркомафий и толерантное отношение общества к привычному мздоимству сотрудников полиции. Неслучайно ряд нынешних главарей наркокартелей начинали свою службу в полиции или элитных армейских подразделениях, а потом, соблазненные громадными барышами, переметнулись в ряды криминальных структур.

Во-вторых, критическое состояние общественной безопасности обусловлено *слабостью и неэффективностью судебных органов*, зачастую не менее коррумпированных, чем полицейские службы. Независимые судьи и адвокаты, специализирующиеся на уголовных делах, нередко становятся объектами преследований и угроз со стороны криминала или подвергаются давлению представителей муниципальных и провинциальных властей, заинтересованных в затягивании расследований или спуске дел на тормозах. Закономерное следствие этого – весьма низкий уровень доверия общества к судебной системе и правоприменительным органам. По данным Гильермо Сепеды, аналитика из мексиканского Центра исследований ради развития (CIDAC) при Национальном автономном университете Мексики (UNAM), 98% преступлений, совершенных в Мексике,

остаются безнаказанными¹, что и является причиной высокого уровня насилия в стране.

В-третьих, воспроизводимость насилия подстегивается крайне *неудовлетворительным состоянием пенитенциарной системы*, также пронизанной коррупцией. Попадающие в тюрьмы участники молодежных банд быстро приобщаются в местах заключения к опыту старших, перенимая у них методы противоправной деятельности. В итоге превентивная функция пребывания в местах заключения исчезает, уступая место «повышению квалификации» участников молодежных преступных объединений. «Перенаселенность» тюрем и жестокость тюремщиков также не способствуют стабилизации ситуации.

Дефекты пенитенциарной системы связаны с низким качеством персонала тюрем и, разумеется, с его коррумпированностью, которая характерна как для малых, так и крупных стран Латинской Америки. Возможности подкупа тюремного персонала наркомафиями практически не ограничены. Это подтверждается успешными массовыми побегами заключенных. Так, в 2010 г. из тюрьмы в мексиканском городе Нуэво-Ларедо сбежали 153 узника, а через два года из близкого к северной границе городка Пьедрас-Неграс – 131 заключенный, соорудившие для побега протяженный тоннель², что было бы невозможно без попустительства тюремного начальства. Правда, чуть позже появились сообщения, что беглецы воспользовались не туннелем, а просто вышли на волю через ворота тюрьмы. Такая трактовка массового побега, видимо, должна была вывести из-под удара персонал тюрьмы. Приходится констатировать, что все попытки реформирования пенитенциарной системы Мексики

¹ www.bbc.co.uk/mundo/america_latina/2009/08/0908172313_mexico

² Ibidem.

до настоящего времени не были успешными прежде всего из-за высокой «взяткостности» тюремной охраны.

Для разрыва порочной цепи, скованной криминалом, коррупцией и безнаказанностью, очевидно, необходима не только политическая воля правительств, но и значительные финансовые средства, которыми пока не располагают государства, оказавшиеся в эпицентре криминальной активности. Необходима также осознанная политика, направленная на искоренение самой *культуры коррупции*. При этом силовые методы борьбы, как правило, себя не оправдывают и являются контрпродуктивными. Так, практически ни в одной из стран ЛКА пока не увенчались успехом попытки радикально очистить полицейские службы от коррумпированных сотрудников или привлечь для борьбы с криминалитетом вооруженные силы и добиться искомого результата.

Одним из ярких проявлений эрозии государства наряду с непрофессионализмом и коррумпированностью полиции и судебных органов явился ускоренный процесс *приватизации сферы общественной безопасности*, который начался в условиях перехода от военного авторитаризма к «ущербной демократии», когда на фоне множащихся реальных угроз личной безопасности зажиточные и богатые семьи, не полагаясь на защиту полиции, предпочитают обзаводиться частной охраной. В процессе адаптации к насильственной окружающей среде, не получая защиты у госструктур, социально исключенные граждане нередко отвечают на царящее насилие акциями самосуда.

Как уже отмечалось выше, коррупция отчасти эндемична для стран Латинской Америки в связи с ее особой исторической, социально-экономической и цивилизационно-культурной спецификой, что во многом роднит ее с Россией (например, существовавшая у нас с незапамятных времен система «кормления»). Когда специалисты по ведению биз-

нес-переговоров (в частности, Р. Льюис)^{*} считают, что, в отличие от англосаксов и представителей «протестантской этики», делающих акцент на *предмете* переговоров, «латиноамериканцы, славяне, арабы и представители стран Южной и Восточной Европы» сосредоточивают внимание на *личности* делового партнера¹, то этим, на наш взгляд, они как бы приоткрывают завесу над культурно-психологическими корнями коррупции. Внесение личностных мотивов в бизнес предполагает возникновение некой «гаммы чувств», не все из которых имеют прямое к нему отношение. «Обычай дачи взятки является здесь вполне приемлемым, учитывая традиционную испанскую готовность помочь имеющему меньше шансов на успех (наша судьба – в руках Бога!) и историческую традицию подношения дани у ацтеков», – говорит о коррупции в Мексике Р. Льюис. «Дилемма для иностранцев не в том, платить взятку или нет, а в ее размере... Мексиканцы знают предполагаемые цены, и было бы благоразумно сначала проконсультироваться с ними по этому вопросу»².

Сказанное отнюдь не означает, что протестантская этика и англосаксонское право – незыблемая гарантия от любых проявлений коррупции. В этом тандеме есть свои врожденные недостатки, многие из которых становятся крайне нетерпимы в условиях множащихся попыток навязать «однополярное» мироустройство³. Однако «личный» акцент, вполне допустимый и даже желательный в целом ряде других случаев, зачастую оставляет латиноамериканцев (и россиян) бороться «один на один» с коррупцией, когда госу-

* Можно отметить в этой связи и мнение о русских К.-Г. Юнга, причисливших их к «интуитивно-чувственному» психологическому типу людей.

¹ Льюис Р. Указ соч. С. 231.

² Там же. С. 567.

³ Латинская Америка. 2014. №2. С. 16-32.

дарство как бы «самоустраняется» от этой проблемы, переводя ее на личный уровень и фактически смиряясь с формулой «так было всегда, так будет и впредь». Это означает, что попытки создания одних только социально-экономических условий, исключающих коррупцию в крупных масштабах без терпеливой, последовательной и неизбежно *долговременной* борьбы за изменение некоторых национальных поведенческих стереотипов, без реализации особой комплексной *культурной, информационной, этнической политики*, нацеленной на искоренение этого зла, победить его будет невозможно. Для Латинской Америки это объективно означает не *ослабление* государства под воздействием неолиберальных формул и примера Соединенных Штатов, неприемлемого в конкретных условиях иной цивилизационно-культурной среды, а, наоборот, его *укрепление* на основе многоуровневой интегративной безопасности.

Кроме того, «экономический *логос*, который закладывается в основу неолиберальной модели, сам по себе легализует аморальность, поскольку коррупция в этом контексте рассматривается как составная часть борьбы за выживание. Идеология, постулирующая примат эффективности над моралью, не препятствует, а, наоборот, содействует развитию оргпреступности»¹. В этом смысле часто раздающиеся призывы «победить» коррупцию (инфляцию, стагнацию и т.д.) «одним выстрелом», как это не раз уже предлагалось и все еще предлагается некоторыми государственными или общественными деятелями Латинской Америки*, да и России, следует считать как минимум необдуманными и популистскими, а как максимум наносящими вред реальной борьбе с коррупцией и транснациональной оргпреступностью.

¹ Velasco R. Las cloacas de la economía. Madrid, 2012. P. 59.

* Например, президентом Бразилии Ф. Коллором ди Меллу (1990-1992), который сам был подвергнут импичменту и вынужден был оставить свой пост из-за обвинений в коррупции.

4. ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КРИМИНАЛИЗАЦИЕЙ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Эксперты и практики, занимающиеся проблемами преступности в ЛКА, пришли к выводу, что эта проблема требует комплексного решения. На основе анализа фактических данных за последние годы они пришли к выводу, что политика «жесткой руки» не приводит к желаемым результатам и призвали правительства добиваться достижения общенационального консенсуса по вопросам борьбы с ТОП, согласования профилактических мер и осуществления институциональных реформ с целью повышения эффективности государственных структур. *Профилактическое направление* признается в новых доктринах и концепциях безопасности ведущих латиноамериканских и карибских стран (Аргентина, Чили – 2011, Бразилия – 2008, Венесуэла – 2013 и т.д.) как основное в деле борьбы с вызовами их *многоуровневой и интегративной* безопасности.

Однако от теории до практики существует, как известно, большая дистанция, которая в случае с латиноамериканскими странами, к тому же, зачастую усиливается дефицитом времени и средств. Дополнительным фактором, не способствующим последовательной борьбе с ТОП в странах ЛКА, является тот откровенный «крен» в сторону силовых методов борьбы, который на протяжении ряда лет демонстрируют Соединенные Штаты. И хоть влияние США на «умы и сердца» латиноамериканцев за последние два десятилетия серьезно уменьшилось*, их политическая, военная и особен-

* Последний серьезный удар по престижу США в качестве партнера ЛКА в вопросах обеспечения безопасности был нанесен обнародован-

но экономическая проекция на этот регион остается весьма сильной. Самым красноречивым примером может служить копируемая некоторыми странами региона «модель» борьбы США с таким множасьим злом нашего времени, как терроризм, контрабанда наркотиков и оргпреступность. В Латинской Америке, как, впрочем, и везде, чисто силовые подходы не оправдывают себя, о чем, кстати, свидетельствует и неутешительная статистика последних лет.

Милитаризированные методы борьбы с криминалом, которые применялись правительством Ф. Кальдерона в Мексике (2006-2012), несмотря на солидную финансовую и организационную «подпитку», доказали свою неэффективность. Все больше вопросов возникает и по поводу результативности колумбийского подхода к противодействию наркопреступности, одним из следствий которого явилось распространение активности наркомафий на сопредельные страны. Лишь начало переговоров правительства с FARC в 2013 г. смогло стабилизировать ситуацию в стране, обеспечить демократические выборы 2014 г. и существенно сократить активность «наркопартизан». Попытки военного решения проблемы фавел в Бразилии в преддверии чемпионата мира по футболу 2014 г. и Олимпийских игр 2016 г. встретили на своем пути ряд вопросов со стороны широкой общественности и немало способствовали росту антиправительственных выступлений в 2013-2014 годах. Несмотря на то, что в настоящее время центр деятельности преступных организаций переместился в Центральную Америку, от усиления криминальной активности по-прежнему не гарантированы те государства ЛКА, которые пока не пронизаны наркобизнесом и не сталкиваются с пандемией насилия.

ным Э. Сноуденом фактом незаконной прослушки АНБ ряда иностранных государственных деятелей, в том числе президента Бразилии.

Для действенной профилактики правонарушений необходимы *повышение уровня и качества жизни, обеспечение экономического роста, нацеленного на решение социальных проблем, повышение эффективности силовых структур и судебной системы, принятие мер, направленных на улучшение социальной ситуации, создание в обществе атмосферы неприятия насилия и нетерпимости в отношении преступных элементов*. Надо стараться избегать политизации борьбы с криминальной преступной деятельностью (навешивать ярлык «террориста» уголовному преступнику, делить террористов по принципу «наши – не наши» и т.д.), чтобы не разъединять, а *объединять* усилия правительств, политических партий и гражданского общества в борьбе с этим злом, не затруднять борьбу с ТОП путем создания и воспроизводства «двойных стандартов». Крайне важное значение имеют *работа с молодежью*, которая является как субъектом, так и объектом преступности и насилия, борьба с *гендерным насилием*, воспитание как в семье, так и в обществе в целом *ответственного правосознания*. Здесь, пожалуй, в наибольшей степени следует уделять внимание повышению уровня индивидуальной и общественной *культуры*, развитию *образования*, укреплению *моральных устоев* и *психологического здоровья* государства и общества. При реформировании государственных институтов первостепенное внимание естественным образом должно уделяться силовым структурам, системе правосудия, прокуратуре и пенитенциарной системе. Немалую роль в этом призвано сыграть преодоление разнообразных злоупотреблений, начиная от стадии предварительного заключения, заканчивая проблемами реабилитации и социализации лиц, вышедших из заключения.

Реализация таких мер, на наш взгляд, действительно поможет отступить от «зашкаливающего» уровня преступности или, по крайней мере, снизить ее накал. В то же время

предлагаемые меры крайне трудно осуществить на практике. В атмосфере насилия, при распространенном недоверии населения к способности государства гарантировать физическую безопасность граждан, при том, что культ «жизненного успеха» и материального благополучия считается смыслом жизни целых поколений, трудно полагаться на успешное взаимодействие общества с силовыми и правоохранительными структурами, без которого позитивный исход борьбы с преступностью («решительная победа») представляется крайне маловероятным.

Наиболее зримо достижения и провалы двух разных методов борьбы с ТОП в странах ЛКА предстают, на наш взгляд, на примере продолжающейся уже несколько десятилетий борьбы с контрабандой наркотиков.

Первоначально большинство государств региона, опираясь на помощь США, взяли курс на запретительную стратегию, в которой явный приоритет отдавался силовым методам. Основная помощь северного соседа оказывалась Колумбии, как основному производителю кокаина и Мексике, как главному поставщику наркотиков на североамериканский рынок. Помощь сводилась к участию Управления по борьбе с наркотиками США (DEA) в борьбе с наркодилерами на территории Колумбии, к подготовке Соединенными Штатами соответствующих колумбийских силовых структур, к опрыскиванию с воздуха посевов марихуаны, при котором безжалостно уничтожались и традиционные сельскохозяйственные культуры, к осуждению в США выданных колумбийских наркодилеров и т.д. Эти методы в 80–90-е годы привели к поимке и выдаче в США или уничтожению (Пабло Эскобар) ряда глав крупных наркокланов (Медельинский картель и картель Кали) с их последующим раздроблением, однако проблема оказалась не решена, а загнана вглубь. Борьба с образовавшимися на месте крупных кланов более мелкими, но лучше оснащенными технически,

оказалась серьезно затруднена. Многие наркодилеры, «выдавленные» из Колумбии, попросту перенесли свою деятельность в соседние страны, «поближе к США» (Мексика, Центральная Америка, Карибский бассейн). К тому же за эти годы серьезно возросла криминальная активность ФАРК, перешедшей на «самообеспечение» путем подключения к наркобизнесу.

После прихода к власти администрации Б. Обамы в США возможности эффективного противостояния наркоугрозе в Латинской Америке заметно снизились и из-за сокращения на 16% помощи на борьбу с наркотиками (в 2011 г. Мексика получила 180 млн долл., Гватемала – 16, а Гондурас и Сальвадор – по 6 млн долл.)¹. Большинство же латиноамериканских экспертов пришли к выводу, что основной недостаток антинаркотической стратегии США состоит в том, что *сами США не в состоянии сократить спрос на наркотики у себя в стране*, в результате чего государства ЛКА вынуждены брать инициативу в свои руки и искать нетрадиционные средства решения проблемы насилия и наркотрафика.

Плачевное состояние общественной безопасности, неутешительные итоги «нарковойны», рост криминального насилия, устрашающие масштабы оборотов наркобизнеса, появление и быстрое распространение на континенте синтетических наркотиков, а также низкая эффективность принятых мер по пресечению отмывания денег подталкивали латиноамериканские правительства к необходимости многовекторной стратегии, которая не ограничивалась бы репрессивными мерами и реформированием полицейских служб, а включала бы в себя важные аспекты социально-экономической и культурно-информационной политики и

¹ Esteban L., Manrique G. La Guerra contra las drogas: un catálogo de fracasos // www.infolatam.com/2012/05/03

обеспечивала бы равный и гарантированный доступ населения к правосудию. Однако достижению общерегионального консенсуса мешали существенные расхождения между самими государствами ЛКА относительно использования тех или иных методов.

Недостаточная эффективность мер по противодействию нарастающей наркотизации вызвала активизацию многочисленных НПО, требующих пересмотра стратегии противодействия наркоугрозе и «гуманизации» наркополитики. В результате в ряде стран наметился частичный отход от запретительной практики. В Уругвае, Перу и Парагвае еще в 80-е годы были приняты законы, освобождающие от уголовной ответственности лиц, использующих малые дозы наркотиков. В Венесуэле в 1993 г. вместо тюремного заключения мелких потребителей была введена обязательная госпитализация наркоманов в специализированных центрах. Некоторые страны пошли на частичную декриминализацию потребления. В Колумбии же произошел возврат к запретительной практике, и 9 декабря 2009 г. парламент принял поправку к конституции, запрещающую потребление наркотиков и предусматривающую административные санкции. По пути частичной декриминализации пошла Бразилия, принявшая в 2002-2006 гг. законы, освобождающие от уголовной ответственности лиц, имеющих небольшие дозы наркотиков для личного потребления. Однако с тех пор число заключенных, осужденных по статьям наркоторговли, лишь удвоилось. 200-миллионная страна, долгое время считавшаяся лишь «транзитной», стала постепенно превращаться в одного из крупнейших *потребителей* наркотиков в мире. Это не остановило правительства страны. Был создан специальный комитет, занявшийся пересмотром наркополитики и декриминализацией наркозависимых. Его рекомендации сводились к декриминализации *всех* наркотиков и увеличению инвестиций в здравоохране-

ние; к регулированию потребления марихуаны для медицинских целей и ее культивирования для личного потребления; расширению программ для молодежи, находящейся в зоне риска; проведению обширных медицинских и научных исследований по проблеме наркотиков. Примеру Бразилии позже последовала Чили, где в 2007 г. был принят закон, освободивший от уголовной ответственности за употребление наркотиков в домашних условиях, но предусматривающий административное наказание и штрафы за их прием в общественных местах.

В Боливии, где потребление наркотиков было неотъемлемой частью общественной жизни еще с незапамятных времен, в 2007 г. жевание листьев коки и ее использование в ходе религиозных ритуалов и празднеств было признано правительством Эво Моралеса «неотъемлемой частью культурного наследия коренного населения страны». В Эквадоре ст. 364 Конституции 2008 г. запретила криминализацию действий потребителей наркотиков, амнистии подлежали и мелкие перевозчики. К 2009 г. на частичную декриминализацию потребления пошла Аргентина¹. Таким образом, несмотря на различия соответствующих статей национальных законов, стал просматриваться отход от запретительного подхода, а внимание властей постепенно начало смещаться в область охраны здоровья наркозависимых.

В начале 2010-х годов были предприняты попытки разработать общий подход к оценке наркоугрозы в национальном, региональном и даже глобальном контексте. Проблеме наркотиков посвящались ежегодные доклады UNODC и ОАГ, регулярно проводились международные конференции с участием экспертов, государственных и общественных деятелей, посвященные диагностике ситуаций в странах региона и содержащие сценарии их развития на ближайшую и

¹ См. подробнее: Латинская Америка. 2013. №8. С. 42-43.

среднесрочную перспективу. Однако, несмотря на предпринимаемые попытки, к 50-летию Антинаркотической конвенции ООН 1961 г. в странах ЛКА так и не удалось достичь общерегионального консенсуса по этим вопросам. Среди них все более широкое распространение стала получать идея декриминализации и даже легализации наркотиков, которая постепенно превратилась в основу для критики и пересмотра запретительной стратегии.

На встрече в Мехико 12 ноября 2012 г. представители Мексики, Коста-Рики, Гондураса и Белиза приняли совместную декларацию, квалифицирующую легализацию производства, продажи и потребления марихуаны как «смену парадигмы». Нижняя палата Национальной ассамблеи Уругвая 50-ю голосами против 46-ти одобрила аналогичный закон, предусматривающий право совершеннолетних граждан приобретать до 40 г. марихуаны в месяц в лицензированных аптеках, выращивать до шести растений у себя дома. При этом необходимо было встать на учет в государственном реестре наркопотребителей. Инициатива Уругвая нашла поддержку у ряда неправительственных организаций, а голландский *Drug Peace Institute* (название института можно было бы перевести как «Мир наркотикам») даже заявил о намерении выдвинуть президента Уругвая Х. Мухику на Нобелевскую премию мира¹.

К этому времени потребление марихуаны было уже легализовано в двух штатах США (Колорадо и Вашингтон), в том же направлении двинулись и другие субъекты федерации. В результате потеряло смысл уничтожение плантаций марихуаны в Мексике, так как после пересечения американской границы она становится легальным товаром.

Движение в пользу легализации «легких» наркотиков – это факт, который, с одной стороны, свидетельствует о яв-

¹ www.unoticias.com.uy/2013/03/13

ной недостаточности чисто запретительных методов борьбы с таким злом. С другой стороны, учитывая не только пагубные последствия самой наркозависимости (от «легких» наркотиков – к «тяжелым»), органическую связь всех видов ТОП и принцип максимизации прибыли, который, естественно, распространится и на «легализируемых» таким образом поставщиков зелья, нельзя не согласиться с тем, что это «лекарство», несомненно, «хуже самой болезни». Пример Нидерландов – страны, которая впервые легализовала потребление «легких» наркотиков и теперь «уверенно» наращивает потребление «тяжелых», вполне красноречив и не вызывает разночтений.

Особое беспокойство вызывает рост наркомании и преступности, связанной с потреблением наркотиков в России. Опыт (как позитивный, так и негативный) борьбы с этим злом в странах Латинской Америки для нас представляется особо ценным, поскольку и славяне, и латиноамериканцы принадлежат к одному и тому же *полиактивному* социально-психологическому типу людей, что сближает наши народы как в плане их коллективных достоинств, так неизбежно и в плане их коллективных недостатков. В случае борьбы с наркопреступностью, например, и для России, и для государств Латинской Америки, очевидным является хотя бы уже то, что запретительных и чисто силовых подходов к борьбе с этой проблемой становится уже недостаточно. Она требует иных, более соответствующих нашим психосоциальным типам подходов.

В условиях России, однако, последствия роста наркомании следует считать тем не менее более драматичными, поскольку высокая *смертность* (в том числе и от злоупотребления алко-, нарко- и пр. *компенсаторикой*) на фоне *критической демографической ситуации* прямо подрывает основы *национальной безопасности страны*. «Психологическую мотивацию» как следствие «внезапного обеднения подав-

ляющего большинства российского общества в 90-е – начале 2000-х годов» (и добавим, как результат столь же внезапного крушения у людей *веры* в свою страну и в провозглашавшиеся ею *идеалы*) авторы авторитетного исследования «Демографические перспективы России» считают первопричиной экспотенциального роста преступности и смертности в России за все последние годы. Так, в результате убийств в 1996-2006 гг. смертность трудоспособных мужчин выросла по сравнению с предыдущим десятилетием вдвое, женщин – на 29,5%, смертность от «повреждений с неопределенными намерениями» – соответственно в 3,4 и 2,8 раза¹.

Поиск социально-экономических и психокультурных корней роста наркомании и преступности представляется нам в этом смысле целиком оправданным. Потерю человеком морально-психологической опоры, как следствие потери им работы, жизненного статуса, адекватной самооценки и т.д. следует признать *главным фактором* этого явления в обществах, которые основаны на приоритетах *межличностного, коллективистского общения*, какими являются российское и латиноамериканские. Избыточный индивидуализм, свойственный для *моноактивных* культур («протестантская этика») не стал и не сможет стать основой наших социумов, не нанося им *смертельного удара* в виде экспотенциального роста конвергентной преступности, смертности, психических расстройств, общественной деградации и проч. Поэтому присутствие в доктринах и концепциях безопасности таких стран, как Бразилия, Аргентина, Чили, Венесуэла, Перу и других многочисленных отсылок к проблематике социально-экономической безопасности в сочетании с вопросами сохранения «национально-культурной идентичности», «достоинства» нации в целом и ее отдельных

¹ Демографические перспективы России. М., 2008. С. 408 – 410.

представителей, является, с нашей точки зрения, совершенно оправданным.

Интегративный и многоуровневый подход к решению проблемы роста преступности, будучи воплощен в *целенаправленной политике государства*, делает «невостребованным» само явление преступности, предлагая потенциальному преступнику ряд жизненных альтернатив социально-экономического, информационного (образовательного), культурного порядка, ранее для него недоступных. В этом – принципиальное отличие полиактивных социумов от моноактивных, делающих ставку на личную активность *индивида*, который либо «пробьется» по жизни сам («Американская мечта»), либо станет изгоем, либо погибнет. Того же подхода придерживаются, в частности, и некоторые российские авторы, считающие, как, например, А. Сергеева, что «конкуренция, индивидуализм и невмешательство государства в экономику не принимаются людьми, противоречат исконным российским традициям»¹.

Культурологический подход к борьбе с преступностью до сих пор и в России, и в странах Латинской Америки сегодня делает лишь первые шаги, однако, как нам представляется, за ним будущее. И для России, и для латиноамериканских стран, таким образом, совершенно оправдан вывод ежегодного доклада Комиссии ООН по борьбе с наркотиками и оргпреступностью (UNODC) за 2013 год о необходимости наличия «сильных государств, способных реально обеспечивать верховенство закона для всех граждан и на всей территории страны, без чего невозможно продвинуться в борьбе с преступностью и исправить неблагоприятную статистику»².

¹ Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005. С. 261.

² <http://infolatam.com2014/04/21/las-tasas-de-homicidios-e-de-impunidad-en-america-latina-segun-naciones-unidas/print/>

5. БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВЫЗОВЫ И УРОКИ ДЛЯ МЕКСИКИ И ДЛЯ РОССИИ

Опыт мексиканских правоохранителей, пытающихся противостоять многоликим угрозам оргпреступности, представляет огромный интерес для России в связи с проблемами коррупции, ухудшения криминогенной ситуации, быстрого роста потребления наркотиков среди молодежи, увеличения численности наркозависимых и появления на рынке новых синтетических наркотиков. Изъяны отечественной уголовной юстиции, как и судебных органов, злоупотребления сотрудников полиции и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) определяют особенности современной криминальной ситуации в РФ.

В Мексике организованные преступные группы (ОПГ) в форме семейных наркокартелей и банд контрабандистов существовали еще с 30-х годов прошлого века, но на рубеже XX-XXI вв. формы и методы их деятельности резко изменились: к наркопроизводству и наркотрафику добавились различные виды контрабанды, ввоз огнестрельного оружия, перевозка нелегальных мигрантов, вымогательство, поставки живого товара на глобальный рынок сексуальных услуг, кражи программного обеспечения и др. Наиболее мощным отрядом криминала оставались ОПГ, занятые наркобизнесом и не останавливающиеся перед насилием в стремлении избавиться от конкурентов и обезопасить маршруты наркоторговли. Питательной средой для наркодельцов стала коррупция, по масштабам которой Мексика в 2013 г. разделила с Аргентиной «почетные» первое и второе место в Латинской Америке.

В период 2000-2009 гг. число преступлений, связанных с наркотрафиком, возросло на 260% (с 24,95 тыс. до 63,404

тыс.), а число мексиканцев, попробовавших наркотики в 2008 г. достигло 4,2 млн человек¹. Резкое ухудшение криминальной ситуации было связано с наркотизацией населения и нарастающими оборотами ОПГ, занятыми наркобизнесом. В 2009 г. в стране было совершено 18,9 тыс. убийств, и по этому показателю Мексика вышла на 6-е место в мире². В 2011г. на счету организованной преступности было 15 тыс. убийств, причем 84% падало на 4 пограничные с США штата – Чиуауа, Синалоа, Тамаулипас и Герреро, В пятерку городов с наивысшими индексами насилия вошли Сьюдад Хуарес, Чиуауа, Кульакан, Тихуана и Акапулько. Скандальные разоблачения причастности высших полицейских чинов к наркотрафику говорили о слабости государства и критической нехватке управляемости. Так, в октябре 2008 г. глава мексиканского антинаркотического ведомства Ноэль Рамирес был отправлен в отставку после разоблачений его связей с картелем Синалоа, от которого он ежемесячно получал 450 тыс. долл. за информацию о предстоящих полицейских операциях³. На фоне экспоненциального роста преступности и наркотизации в начале второго десятилетия нового века начались разговоры о том, что Мексика стремительно превращается в «неуправляемое» государство.

Среди факторов, ускоривших рост криминалитета, важно упомянуть изменение политической ситуации, которая осложнялась внутренней трансформацией страны, переживающей переход от однопартийной системы – политической монополии Институционно-революционной партии (PRI) – к многопартийности. За 70 лет правления PRI сложилась ее уния с наркокартелями, которым губернаторы и руковод-

¹ www.bbc.co.uk/mundo/Lgamerica_latina/2009/08/090817_2313_mexico

² Rios V., Shirk D. Drug Violence in Mexico. Data y Analyses Through 2010 // justiceinmexico.org/2011/02/07/trans-border-institute-release...

³ www.elnuevoherald.com/2011/10/19/

ство МВД обеспечивали безнаказанность. Приход к власти Партии национального действия (PAN) в 2000 г. повлиял на прежнюю систему сосуществования криминала и властей всех уровней и вызвал невиданную ранее активность ОПГ, все чаще применяющих насилие для защиты своих «бизнес-интересов». Ранее лояльные властям картели бросили вызов государству и обществу.

Питательной средой для распространения криминала стала системная коррупция, поразившая органы власти всех уровней. Доверие населения к правоохранителям снизилось после скандальных разоблачений причастности высших полицейских чинов к наркотрафику. Вступление в силу в январе 2009 г. Общего закона о национальной системе безопасности, предусматривающего обязательную аттестацию сотрудников силовых ведомств раз в 4 года, не изменило ситуацию к лучшему. Показательно, что при аресте мексиканскими морскими пехотинцами боевиков ОПГ «Los Zetas» в Веракрусе в сентябре 2011 г. были задержаны и шестеро «крышующих» их деятельность полицейских. Месяц спустя в том же Веракрусе под увольнение попали 980 полицейских, не прошедших проверку на детекторе лжи¹. В 2010 г. в Мексике был зарегистрирован самый высокий уровень коррупции, возросший по сравнению с 2007 г. на 18,5%, причем общая сумма взяток достигла 32 млн песо (2,75 млрд долл.)². В том же году по индексу восприятия коррупции Мексика переместилась с 56-го места в мире на 98-е (между Египтом и Доминиканской Республикой), а в 2012 г. спустилась на 105-е место (между Мали и Филиппинами)³.

¹ www.elnuevoherald.com/2011/09/09/; 2011/10/18/

² [Mexico.mexico.org/Voto corrupcion.html](http://Mexico.mexico.org/Voto_corrupcion.html); El Universal. México, 9.V.2011.

³ РФ заняла 138 место, между Угандой и Азербайджаном, опередив Мексику на 33 пункта // www.transparency.org/cpi2012/results/

Наступление криминала и невиданный рост насилия побудили правительство Ф. Кальдерона (2006-2012), уже не рассчитывавшего на коррумпированные полиции штатов и муниципалитетов, привлечь к борьбе с наркомафиями армию и флот. Итоги «нарковойны» оказались неоднозначны. Успехи силовиков во многом объяснялись получением разведывательной и оперативной информации от Антинаркотического ведомства США (DEA) и предоставлением американской помощи в подготовке специальных частей по борьбе с наркотрафиком. Однако тот факт, что арестованные наркобароны экстрадировались в США свидетельствовал о крайней слабости правоприменительных органов и продажности сотрудников мексиканской пенитенциарной системы, которые нередко способствовали бегству из тюрем главарей ОПГ. Неожиданным для властей явилось возникновение широкого общественного движения, оспаривающего достижения силовиков и те жертвы (57 тыс. человек)¹, которые мексиканцы принесли за иллюзорный успех «нарковойны». Ее побочным результатом стало ускорение процесса распыления картелей и их экспансия в соседние страны – Гватемалу, Белиз и Гондурас, где слабые государства были не в состоянии противостоять криминальным бандам, базирующимся в Мексике и имеющим широкие связи как с латиноамериканскими, так и с азиатскими и африканскими ОПГ.

Высокая цена антинаркотической стратегии правительства Ф. Кальдерона стала одним из факторов, повлиявших на настрой избирателей, которые в 2012 г. отказали в поддержке партии PAN. К власти вновь вернулась PRI во главе с президентом Энрике Пеньей Ньето, но ни мексиканские власти, рассчитывающие на какой-то режим сосуществова-

¹ Latino.foxnews.com/latino_news/2012/11/01/mexican-daily-nearly-60000-drug-war-deaths-under-calderon/

ния с криминальными кланами, ни США так *до сих пор и не продемонстрировали способность разработать адекватную стратегию противодействия ТОП*, действующей в региональном, а нередко уже и в глобальном масштабе. Причем шансы на реализацию такой стратегии невелики и в будущем, несмотря на то, что президенты двух стран в ходе визита Б. Обамы в Мексику 3 мая 2013 г. подтвердили готовность продолжать сотрудничество в деле борьбы с оргпреступностью¹.

Близость североамериканского рынка, где спрос на наркотики не убывает, а лишь растет, является мощным стимулом для кооперации мексиканского и колумбийского криминала и образования ими устойчивых группировок ТОП, которые пользуются покровительством правоохранительных органов, прежде всего полиций штатов и муниципалитетов². По некоторым данным, главы муниципальной полиции ежемесячно получают от 40 до 300 тыс. песо от своих криминальных партнеров³. Искус легкой наживы ускорило переход некоторых полицейских на службу преступным кланам. Не избежали искушения и военнослужащие, получившие подготовку в спецназе. Дезертируя, они становятся организаторами банд на службе старых картелей, а со временем образуют собственные новые. Пример картеля «Los Zetas», славящегося беспримерной жестокостью, зримое свидетельство эрозии мексиканского государства. Еще один тревожный симптом – переход на сторону криминала учителей. Широко известен пример колумбийца

¹ México: Peña Nieto y Obama dicen que sigue la cooperación anticrimen con Estados Unidos // Infolatam.com/2013/05/04/mexico-pena-nieto dice-tras...

² Transnational Criminal Organizations and Mexico's Drug Wars // borderlinesblog.blogspot.ru/2011/06/transnational-criminal-o...

³ Garay Salamanca J.L., Salcedo Albarán E. Narcotráfico, corrupción y Estados. México, 2012. P. 250.

Мигеля Анхеля, по кличке Тута, который бросил карьеру школьного учителя ради баснословных выгод от наркоторговли. Осев в Мексике, он возглавил наркосиндикат, поселился в фешенебельном районе столицы и стал заниматься обналичкой финансовых средств в банкоматах. Операции отмывания денег происходили с помощью его агентов – мексиканцев и колумбийцев в банках Испании, а также китайцев, которые переправляли наличность в КНР. В 2010 г. Тута получил мексиканское гражданство, но через полгода был арестован.

Давние связи мексиканских картелей с колумбийскими ОПГ претерпели качественные изменения с середины нулевых годов. Ныне хозяевами игры стали мексиканцы, располагающие сетью дистрибьюторов на американской территории, контролирующие маршруты трафика и доставку нелегальной продукции в США и другие страны. Как показал опыт Мексики и Колумбии, даже в случаях разгрома крупных наркокартелей они не сходят с криминальной арены, а регенерируются под новыми брендами и на новой технологической базе. На криминальной карте Мексики появились преступные объединения нового поколения, которые способны быстро адаптироваться к меняющимся реалиям внешней и внутренней среды. Это – «Картель Халиско», «Картель Акапулько» и филиалы Мичоаканской семьи (FM). Главари последней, созданной в 2006 г., устанавливают путем подкупа связи с госслужащими разных уровней ради доступа к интересующей их информации. Таким образом, налицо процесс *частичного поглощения государства наркомафиями*. Несмотря на то, что в 2011 г. за связи с FM были задержаны 35 глав муниципалитетов, к 2012 г. всех их освободили¹, что лишний раз выявило продажность сотрудников судебной системы. Новыми бандами нередко руководят сами главы муниципалитетов. О степени проникновения

¹ Op. cit. P. 228.

преступных кланов в органы власти говорит и тот факт, что в течение 10 лет колумбийский наркобарон Диего Леон Монтойя из картеля «Norte del Valle» пользовался защитой Федеральной полиции Мексики¹.

Особого внимания заслуживает такой новообразовавшийся преступный синдикат, как «Los Templarios», который откололся от «Мичоаканской семьи» в 2010 году. Его члены уподобляют себя рыцарям-тамплиерам: носят белые балахоны с красным крестом и испытывают «слабость» к средневековым ритуалам и философии. Основная специализация «рыцарей» – выращивание и продажа наркотиков, но не чураются они и похищения людей, вымогательства, незаконной добычи полезных ископаемых, в общем, представляют из себя некое подобие современной диверсифицированной корпорации. Недаром в народе «Los Templarios» известны также под названием «empresa» («предприятие»). «Empresa» имеет частную армию с неустановленным количеством «солдат» (известно лишь, что «офицеров» у нее свыше ста, и каждый ответственен за соответствующую «ячейку»). По словам уполномоченного федерального правительства в штате Мичоакан А. Кастильо, «в лице «Los Templarios» мы столкнулись с организацией *sui generis*, отличной от всех наркокартелей, с которыми имели дело до сих пор. Она осуществляет свою деятельность так, как будто бы является абсолютно законным предприятием»². В конце 2013 г. была обнародована информация о том, что только 21% населения Мексики верит в то, что правительство во главе с Э. Пеньей Ньето сможет справиться с валом преступности в стране.

Подписание 15 октября 2012 г. исполнительным директором Управления ООН по наркотикам и преступности

¹ Op. cit. P. 195.

² <http://www.infolatam.com/2014/22/el-principal-cartel-de-michoakan-opera-como-una-empresa-dice-gobierno/print/>

Ю. Федотовым и главой МВД Мексики А. Пуаре Ромеро соглашения об укреплении сотрудничества по борьбе с ТОП и наркотрафиком¹ явилось шагом в верном направлении, который дает некоторые шансы на расширение контактов российских правоохранителей с мексиканской стороной. Вместе с тем нельзя не учитывать признанный ООН, латиноамериканскими экспертами и общественными деятелями провал исключительно запретительной антинаркотической стратегии и наметившийся тренд к смене общей парадигмы наркополитики. Доминировавший ранее бескомпромиссный подход теряет популярность, судя по широким дебатам об альтернативной политике, что сулит в недалеком будущем перенос акцента с силовых методов противодействия наркоугрозе на задачи сокращения ущерба здоровью латиноамериканцев.

Выводы для России могут быть неоднозначны. Что «запретами делу не поможешь» – стало общим выводом для всех тех россиян, которые так или иначе извлекли опыт из 70-летнего существования СССР. С другой стороны, неготовность общества к переменам, причем скоропалительным и радикальным, стала предпосылкой развала СССР и «провальных» 90-х годов. Очевидно, что борьба с ТОП в России требует более «тонкой настройки» всех государственных структур с целью максимального преодоления крайностей («все запретить», либо «все разрешить»). Необходимый акцент должен быть сделан на в целом игнорировавшиеся ранее факторы *долгосрочного порядка*: на борьбу за повышение общей культуры населения, за прекращение пропаганды насилия и прелестей «сладкой жизни» в СМИ, за постепенное изменение ценностных предпочтений людей, за воспитание молодежи в духе социальной ответственности и

¹ UNODC to open a liaison and partnership office in Mexico // www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2012/October/unodc-to

неприятя философии индивидуализма, гедонизма и эгоизма, при том, что важность социально-экономических критериев, борьбы с бедностью и социально-экономическим неравенством, увеличения занятости и доходов населения не должны ставиться под сомнение. Очевидно, что для этого потребуется и совершенно иная, долгосрочная *государственная стратегия борьбы с ТОП* и соответственно люди, способные ее разработать и воплотить на практике.

6. ПРЕСТУПНОСТЬ В ВЕНЕСУЭЛЕ: АКТУАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Преступность является хронической проблемой венесуэльского общества. К ее глубинным причинам можно отнести последствия нефтяного бума: демографический рост, массовый исход из деревни и как следствие образование на городских окраинах широких маргинальных поясов, долгое время бывших средоточием безработицы и обусловленных ею социальных бедствий. В современных условиях – тем более в таких странах, как Венесуэла, где благосостояние населения за последние десятилетия в целом значительно выросло, – причины криминализации не сводятся к бедности и безработице. То же самое можно сказать и о России.

Уже несколько поколений восприняли и продолжают воспринимать через СМИ, телесериалы и компьютерные игры стереотипы «общества потребления» в духе «американского образа жизни». Значительную часть молодежи это побуждает воспринимать жизнь своих родителей и свою как неудавшуюся и пытаться обрести желанный «успех» или хотя бы его внешние атрибуты криминальным путем. В основном те же корни имеет и широко распространившееся потребление наркотиков – мощный дополнительный фактор криминализации, так как добыть деньги на зелье иным путем для абсолютного большинства невозможно.

Еще один опаснейший фактор, отличающий пока, к счастью, Россию от Венесуэлы, – это наличие на руках у венесуэльцев огромной массы огнестрельного оружия. С 2003 по 2012 год силами государства было изъято у населения и ликвидировано более 320 тыс. единиц огнестрельного ору-

зия, однако проблема полностью не решена¹. Отношение к «стволу» как к необходимому атрибуту «настоящего мужчины», «гарантии» личной безопасности и свободы для себя и близких венесуэльское общество унаследовало отчасти от выродившейся, утратившей социально-политическую направленность и прежние идеалы, двухвековой традиции военных мятежей и герильи, а отчасти все от той же телекомпьютерной фикции. Войдя в привычку, «всеобщее вооружение народа» продолжает бытовать, хотя давно уже стало по сути иллюзорным. В современном урбанизированном обществе, глубоко расколотом острейшими социально-политическими коллизиями, это «вооружение» лишь превращает все большее число граждан в заложников криминализованного меньшинства.

Уровень насилия продолжает расти и в последние годы, несмотря на развертывание в период президентства У. Чавеса ряда социальных программ и сокращение масштабов бедности и нищеты, несмотря на усилия государства по профилактике преступности. Более того, в XXI в. эта проблема стала обостряться экспоненциально. Вплоть до 80-х годов прошлого века уровень насильственных смертей не превышал в Венесуэле 10 на 100 тыс. населения, в следующем десятилетии почти удвоился и с первого десятилетия нынешнего века приобрел беспрецедентную динамику. По данным венесуэльского «Наблюдательного совета за насилием», если в 1998 г. было 19 убийств на 100 тыс. населения, то к 2010 г. этот показатель вырос до 54². По данным Совета, 91% убийств остаются безнаказанными. Страна занимает пятое место в мире по числу насильственных смер-

¹ Gobierno venezolano ha destruido 322.347 armas de fuego desde 2003. AVN, 08.04.2013 // <http://www.avn.info.ve/contenido/gobierno-venezolano-ha-destruido-más-300000-armas-fuego-9-años>

² Ibidem.

тей. В масштабах Латинской Америки Венесуэла по этому показателю находится на третьем месте после Сальвадора и Гондураса. Наиболее высока преступность к мегаполисах, из которых особо «выделяется» Каракас (140 убийств на 100 тыс. человек). По словам экс-главы министерства внутренних дел Тарека Эль Аиссами, 70% всех насильственных смертей являются результатом противостояния молодежных преступных группировок (поэтому боливарианское правительство делает особый акцент на образовательном аспекте профилактики преступности). Среди наиболее криминализованных регионов страны фигурирует штат Миранда, включающий пригороды столицы, где губернатором с 2008 г. является лидер оппозиции Э. Каприлес.

В Каракасе эпицентром криминалитета выступают так называемые «барриос» – обширные районы «самостроя» на холмах, окружающих столицу. Правительство проводит политику жилищного строительства, направленную на расселение этих районов и как следствие – ресоциализацию и социальную реинтеграцию их жителей. Но реализуемых мер, судя по всему, недостаточно для кардинального изменения ситуации. Криминогенная обстановка особенно сильно бьет по мелкому и среднему бизнесу. Например, известно, что хозяева многих столичных ресторанов предпочитают закрывать свои заведения после восьми часов вечера, мотивируя это, во-первых, малым числом посетителей (многие состоятельные жители опасаются выходить на улицы с приходом темноты), во-вторых, угрозой ограбления. Проблема преступности находит отражение в общественном мнении. Так, согласно опросу жителей Каракаса, проведенному аргентинским агентством «Delfos», 95% респондентов считают преступность главной проблемой города¹. Понятно, что

¹ www.delfoscba.com.ar

такое положение не может не стимулировать оппозиционные настроения, особенно среди средних слоев.

Феномен криминогенности имеет и международно-дипломатическое измерение. В конце 2012 г. министерство иностранных дел Норвегии закрыло свое дипломатическое представительство, мотивировав это соображениями безопасности. Данное решение стало реакцией на серию громких инцидентов с дипломатами, произошедших в 2011-2012 гг., когда были похищены послы Мексики и Чили, а также советник по экономическим вопросам посольства Коста-Рики. В 2013 г. самым громким случаем похищения высокопоставленного лица с целью получения выкупа стал инцидент с личным секретарем президента страны. Однако на этот раз все обошлось благополучно – преступники освободили похищенного в одном из районов Каракаса после того, как запоздало поняли, кого именно они похитили. Несколько дней спустя стало известно об убийстве телохранителя вице-президента республики.

Вторым после «барриос» (если не первым) источником распространения и концентрации криминалитета является, как и в ряде других стран региона, пенитенциарная система. В настоящее время она насчитывает более 45 тыс. заключенных, из которых менее 14 тыс. отбывают вынесенный им срок, а остальные годами дожидаются суда. При этом совокупная проектная вместимость тюрем рассчитана на содержание 15 тыс. человек, т.е. заключенные обречены на жизнь в крайне стесненных условиях. В тюрьмах остро стоит проблема насилия. Несмотря на регулярные рейды полиции по конфискации оружия, показатель убийств в местах лишения свободы – один из самых высоких в регионе (560 в 2011 г.). По данным венесуэльской неправительственной организации «Наблюдение за тюрьмами», в Бразилии, в тюрьмах которой содержится в 11 раз больше заключенных, чем в Венесуэле, в 2011 г. были убиты 125 человек; в Колумбии, где

число заключенных вдвое больше, – 24 убийства; в Мексике, где заключенных свыше 200 тыс., – 58 убийств¹.

Бунты и столкновения с полицией с применением оружия – распространенное явление в венесуэльских тюрьмах. В 2012 г. драматические события развернулись в расположенном в пригороде Каракаса тюремном комплексе «Родео», состоящем из двух больших корпусов. Кризис разразился после того, как в тюрьме «Родео-1» произошло вооруженное столкновение между двумя противоборствующими группировками заключенных, в результате чего погибли девятнадцать арестантов.

Что касается проблемы наркотрафика, то здесь главными каналами транспортировки служат граничащие с Колумбией штаты Сулия и Тачира. Реципиентами «зелья» выступают главным образом рынки США и Европы. Ежегодно силами Национальной боливарианской гвардии (военизированной полиции) проводятся тысячи спецопераций по пресечению деятельности преступных группировок, занимающихся контрабандой наркотиков. Часть операций реализуется совместно с колумбийскими силами безопасности. Так, в 2012 г. удалось арестовать 16 главарей наркомафии. Преступные группировки идут на различные ухищрения. В 2012 г. самой успешной операцией по борьбе с наркотрафиком стала конфискация кокаина, который в растворенном виде транспортировался на борту торгового судна. Совместно с колумбийскими силами безопасности за пять лет на границе Венесуэлы и Колумбии было уничтожено 333 взлетно-посадочные полосы, использовавшиеся для контрабанды наркотиков.

Начиная с 1998 г. за время правления У. Чавеса боливарианскими властями было принято в общей сложности 20

¹ ONG denuncia cuatro muertos en una prisión venezolana mientras siguen los incidentes // Agencia EFE. 7.III.2012.

общенациональных программ по борьбе с преступностью. Сложность и напряженность внутривластной ситуации, одним из главных факторов которой выступает преступность, обуславливает высокую текучесть кадров в министерстве внутренних дел: пост его главы за эти годы занимали девять человек.

Рассмотрим подробнее двадцатую по счету и, пожалуй, самую масштабную профилактическую программу с целью обеспечения безопасности, инициированную еще при Чавесе в июне 2012 г. и активно продолженную новым правительством президента Н. Мадуро. Ее официальное название – «Венесуэла – каждой жизни». На реализацию этой программы, рассчитанной на два года, правительство выделило 6 млрд боливаров (1,4 млрд долл.).

Ее проведение включало несколько этапов. На первом принимались поправки в уголовный кодекс, вошедшие в силу 1 января 2013 года. В числе главных нововведений фигурировало создание нового уровня судебной системы – муниципальных судов, в компетенцию которых входит рассмотрение и принятие решений по преступлениям со сроком лишения свободы до 8 лет. Новые судебные инстанции появились в 79 муниципалитетах, где сосредоточено 80% населения страны. Кроме того, были созданы механизмы общественного контроля за судебным делопроизводством со стороны местных органов самоуправления – коммун¹. В целом целью реформа являлась оптимизация судебной системы с целью упрощения и ускорения процедуры судебного разбирательства. До ее проведения, по официальным данным, лишь 15% дел об убийстве заканчивались вынесением приговора, что тесно связано с проблемой коррупции.

¹ Se aprueba en Venezuela nuevo Código Orgánico Procesal Penal // www.telesurtv.net, 12. 06. 2012.

В рамках этой же программы был введен в действие план «Безопасная родина». Он включал серию мер, направленных на предотвращение преступности. В отличие от предыдущих программ, эта осуществлялась преимущественно вооруженными силами, а полиции отводилась второстепенная роль. Было организовано ночное патрулирование улиц городов силами граждан и территориальных коммун. Чтобы направить социальную энергию молодежи в созидательное русло, в криминогенных районах систематически стали проводиться массовые культурные мероприятия. По словам министра внутренних дел Мигеля Торреса, благодаря этому в 2013 г. число убийств удалось сократить на 17%, а количество похищений людей – на 51%¹.

В феврале 2013 г. Национальной ассамблеей был принят закон об организованной преступности и финансировании терроризма. Несмотря на традиционные дискуссии между депутатами от правящей Объединенной социалистической партии и представителями оппозиции, при голосовании стороны проявили редкое единодушие. Ни у кого не вызвало возражений ужесточение наказаний за такие тяжкие преступления, как, например, принуждение несовершеннолетних к занятию проституцией или контрабанда человеческими органами, за совершение которых стало предусматриваться наказание до тридцати лет тюремного заключения.

В июне 2013 г. в рамках плана «Безопасная Родина» был принят «Закон о разоружении и контроле над оружием и армейским арсеналом», который ужесточил порядок владения и ношения оружия. В начале 2014 г. правительство Н. Мадуро вынесло на всенародное обсуждение программу обеспечения гражданского мира, названную «Планом мира

¹ Cultura y prevención del delito son las bases del Plan Patria Segura // www.telesurtv.net, 22. 04. 2014.

и национального сосуществования», в основу которого было положено разоружение граждан, преимущественно путем убеждения. Программа получила широкую поддержку в обществе, включая оппозицию. Однако через несколько дней, в январе 2014 г. в окрестностях Каракаса произошло громкое убийство бывшей королевы красоты Моника Спелар и ее супруга. Это преступление было раскрыто по горячим следам, однако оппозиционные СМИ представили его как признак бессилия власти перед криминалом, что взорвало наметившееся согласие. Примерно через месяц насилию придали политическое направление, что стало очередным «нервом» противостояния между правительством и оппозицией. Одной из первых жертв нового витка эскалации внутривнутриполитического конфликта стал лидер ряда молодежных группировок Каракаса, подписавший с властями соглашение о разоружении.

Проблема безопасности и профилактика преступности является одной из ключевых во внутренней политике правительства Н. Мадуро. По-видимому, власть осознает всю сложность и многогранность стоящей перед ней проблемы, что демонстрирует, в частности, многоуровневый характер миссии «Венесуэла – каждой жизни». Однако ясно, что решение этой проблемы не может произойти со дня на день и носит долгосрочный характер.

«Боливарианский» урок для России очевиден. Как показывает пример Венесуэлы, рост преступности и дефицит общественной безопасности «с удовольствием» используются внутривнутриполитической оппозицией в своих конъюнктурных интересах. Россия, сталкивающаяся с попытками США и Запада «раскачать» ее внутривнутриполитическую ситуацию, должна уделять повышенное внимание профилактике и своевременному купированию преступных деяний, осо-

бенно таких, которые могут иметь широкий общественный резонанс. В этом плане разработка и принятие средне- и долгосрочных программ борьбы с преступностью, «заостренных» не против преступников, а против тех базисных факторов, которые порождают преступность, заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания.

7. КОЛУМБИЯ: ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Колумбия – одна из старейших демократий в Латинской Америке. В то же время непрекращающаяся уже в течение полувека волна насилия со стороны леворадикальных партизан, ультраправых военизированных формирований, наркомафии и криминальных банд являются постоянным источником нестабильности в стране. За последние годы в результате помощи США в рамках «Плана Колумбия», а также «Стратегии демократической безопасности» президента А. Урибе (2002-2010) в борьбе с ней удалось добиться определенных успехов. Колумбийское государство смогло восстановить контроль над территориями, охваченными внутренним вооруженным конфликтом, тысячи «парамилитарес» АУС* сложили оружие, а герилья понесла серьезные потери.

В результате успешных операций сил национальной безопасности страны значительная часть партизан сдалась добровольно, а ключевые показатели насилия существенно снизились. По данным министерства обороны, с 2000-2013 гг. количество убийств в стране уменьшилось на 43%, похищений – на 95%, терактов – на 47%. Кроме того, вдвое сократился уровень безработицы, а уровень нищеты упал с 50% до 34%¹. Но все эти успехи в значительной степени нивелируются тем ущербом, который продолжает наносить внутренний вооруженный конфликт. Уровень убийств все

* Так называемые «Объединенные силы самообороны Колумбии».

¹ <http://es.insightcrime.org/analisis/colombia-estados-unidos-y-la-cooperacion-en-seguridad-regional>, Colombia, Estados Unidos y la cooperación en seguridad regional

еще остается выше 30 человек на 100 тыс. жителей, что хуже, чем в Мексике, или почти эквивалентно положению в Гватемале¹. Другие показатели насилия, такие, как количество убитых в боях с представителями силовых структур, атак на объекты инфраструктуры и пр., остаются достаточно высокими, а в отдельных случаях даже демонстрируют тенденцию к увеличению. Как партизаны, так и криминальные банды, возникшие в результате неудавшейся в полной мере попытки демобилизации АУС, остаются одними из самых многочисленных незаконных вооруженных формирований в истории латиноамериканского региона.

Осенью 2012 г. правительство Колумбии начало переговоры с леворадикальными партизанами, представленными Революционными вооруженными силами Колумбии (FARC). Своего рода «дорожную карту» мирного процесса составили следующие пять пунктов: разработка комплексного плана развития сельского хозяйства (в том числе и более эффективное распределение земельной собственности и создание инфраструктуры в отдаленных районах); возможность политического участия герильи; прекращение конфликта, предполагающее разоружение вооруженных формирований и интеграцию их участников в мирную жизнь; решение проблемы наркотрафика и создание комиссии по установлению истины². Многие аналитики относились к перспективам мирного процесса весьма скептически и считали, что включенные в повестку дня проблемы будет сложно решить из-за неуступчивости той или иной стороны. Тем не менее в ходе мирных переговоров удалось добиться определенных результатов. В мае 2013 г. противоборству-

¹ Ibidem.

² См.: Ивановский З.В. Колумбия: начало переговорного процесса с герильей // Латиноамериканская панорама. Октябрь 2013 (<http://www.ilaran.ru/?n=831>).

ющие стороны подписали соглашение по первому пункту «дорожной карты» – политике комплексного аграрного развития страны, который считался едва ли не самым проблемным. (Именно земельный вопрос первоначально послужил основной причиной внутреннего вооруженного конфликта, унесшего сотни тысяч жизней.) Достигнутое в Гаване соглашение предусматривает создание земельного фонда, который будет определять законность владения землей и заниматься перераспределением наделов в пользу беднейших слоев населения. В случае незаконных захватов она будет конфискована и передана в вышеуказанный фонд¹.

6 ноября 2013 г. стороны добились подписания соглашения о будущем участии представителей герильи в политической жизни страны и возможном ее преобразовании в легальную политическую партию. Как руководитель правительственной делегации, бывший вице-президент Умберто де ла Калье, так и представитель партизан Иван Маркес дали высокую оценку достигнутому соглашению, назвав его важным шагом на пути к прекращению конфликта и установлению реальной демократии в Колумбии. По мнению бывшего партизана, ныне директора колумбийского Фонда мира и примирения Леона Валенсии, этот пункт можно считать основополагающим для всего мирного процесса. В соответствии с достигнутым соглашением политическим силам, общественным движениям и организациям, а также местным общинам будут предоставлены дополнительные возможности для внесения своих предложений и проектов на федеральном и региональном уровнях. Стороны также договорились предпринять меры по созданию гарантий и условий для примирения и прекращения практики искус-

¹ См.: Потапов Н.А. Колумбия: завершение второго этапа переговоров правительства с партизанами // Латиноамериканская панорама, ноябрь 2013 (<http://www.ilaran.ru/?n=899>).

ственной «демонизации» противника, что предполагает сдержанность в риторике и уважительное отношение к политическим убеждениям оппонентов. Для практической реализации этого пункта программы на национальном и региональном уровнях запланировано создать Советы по примирению и сосуществованию, которые будут оказывать помощь органам власти. Определенные изменения вносятся и в избирательную систему: в переходный период в добавление к существующим будут образованы дополнительные специальные временные избирательные округа для включения в политический процесс населения территорий, охваченных конфликтом. Кроме того, соглашение предполагает обеспечение всеобъемлющей системы безопасности для участников политического процесса, определение их прав, обязанностей и свобод, что должно способствовать преобразованию FARC в легальную политическую силу¹. Хотя вышеуказанные договоренности можно считать важным итогом мирных переговоров, не стоит забывать, что они вступят в силу только после достижения консенсуса по оставшимся пунктам повестки дня.

В конце ноября 2013 г. противоборствующие стороны начали обсуждение проблемы наркотрафика, а в мае 2014 г. подписали соглашение по решению данной проблемы, которое включает три направления: замещение выращивания незаконных наркотических культур посредством реализации комплексных программ альтернативного развития; сокращение спроса на наркотические средства с упором на развитие системы общественного здравоохранения и прекращение производства и коммерциализации запрещенных видов наркотиков. Ключевым положением этого документа является поддержка фермеров в переходе от выращивания

¹ Там же.

коки к законной деятельности в регионах, где проблема стоит наиболее остро¹.

Для борьбы с криминальными бандами в феврале 2011 г. Совет национальной безопасности Колумбии определил соответствующие критерии, инстанции и оперативные стратегии. В дополнение к их осуществлению на севере страны и на тихоокеанском побережье были укреплены разведслужбы, судебные органы (в рамках прокуратуры создано Национальное единство против криминальных банд) и оперативные службы². Официальные данные свидетельствовали о первых позитивных результатах, достигнутых за последние два года: были проведены более 600 спецопераций против группировок «Guajira» и «Paisas»; более 80 главарей среднего звена арестованы или сложили оружие³. Нанесены серьезные удары по Антикоммунистической народной революционной армии (ERPAC) и «Rastrojos».

Однако, несмотря на все действия правительства, такие криминальные группировки, как «Urabeños», «Paisas», «Aguilas Negras» и «Rastrojos», продолжают существовать и даже расширять ареалы своего присутствия. В начале 2011 г. правительство Хуана Мануэля Сантоса признало, что криминальные банды (BACRIM)^{*} – это серьезная угроза безопасности, а генерал Оскар Наранхо сообщил, что с 2006-2011 гг. в общей сложности были арестованы около 13000 бандитов, в том числе 70 руководителей первого и второго уровня⁴. Кроме того, с 2006 по 2012 год у членов

¹ См. подробнее: Dúran Martínez A. El acuerdo sobre drogas ilícitas: esperanzas y desafíos // Razón Pública. Bogotá, 2014.

² Prieto C.A. Las Bacrim y el crimen organizado en Colombia // Policy Paper 47. Friedrich Ebert Stiftung. 2013. P. 7.

³ Op. cit.

* В Колумбии все они объединяются аббревиатурой BACRIM («bandas criminales»).

⁴ Política y violencia en 2011. P. 5 // www.arcoiris.com.co

банд было изъято более 6 тыс. стволов огнестрельного оружия и более 90 т наркотических средств¹. Тем не менее, несмотря на большое количество арестов и ликвидаций членов незаконных вооруженных формирований, полностью покончить с ними не удастся. За счет принудительного рекрутского набора ряды банд постоянно пополняются новыми силами. Кроме того, участие в криминальной деятельности служит серьезным источником заработка.

Одно из особенно негативных последствий деятельности криминальных банд – массовые перемещения людей. По информации Национального центра исторической памяти, за 2013 г. число перемещенных лиц в Колумбии составило 5,7 млн человек (15% всего населения страны)². В своем докладе за 2013 г. Верховный комиссар ООН по правам человека поддержал политическую линию Х. М. Сантоса, в частности, Закон о жертвах и реституции земель 2011 г., но в то же время подчеркнул трудности с реализацией данного закона, возникающие в связи с незаконной деятельностью криминальных банд³. Бандиты убивают профсоюзных лидеров, перемещенных лиц, земельных собственников, что затрудняет процесс возврата земельной собственности в руки законных владельцев. Наряду с этим в Колумбии наблюдаются и другие серьезные проблемы в области обеспечения прав человека. Продолжаются убийства и угрозы в адрес правозащитников, журналистов, все еще низки показатели количества осужденных за нарушения прав человека со стороны сил национальной безопасности. Особый резонанс в стране и в мире получила история «ложных успехов», когда военные для получения наград и признания их «усилий» со

¹ Policía Nacional de Colombia, junio de 2012.

²<http://es.insightcrime.org/analisis/colombia-estados-unidos-y-la-cooperacion-en-seguridad-regional>, Colombia, Estados Unidos y la cooperación en seguridad regional.

³ Ibidem.

стороны руководства, убивали мирных жителей и представляли их в качестве повстанцев, погибших в боях¹.

В декабре 2011 г. добровольно сложила оружие ERPAC, а 5 января 2012 г. произошло вооруженное выступление криминальной группировки «Urabeños». Хотя добровольная сдача ERPAC – само по себе, важное событие, однако, на наш взгляд, это все же небольшой успех, поскольку из 270 членов группировки были арестованы только 20, а остальные бежали в Восточные Льяносы. Вооруженное выступление «Urabeños» парализовало движение транспорта и торговлю в 26 муниципиях севера страны, включая и город Санта-Марта². Оно еще раз продемонстрировало малую эффективность стратегии борьбы с оргпреступностью и заставило правительство задуматься о выработке новой, более адекватной, стратегии.

Для осуществления своей противоправной деятельности криминальные банды заключают временные союзы с партизанами. Так, в официальных источниках информации и СМИ Колумбии говорилось о союзах «Urabeños» с фронтами FARC в зоне Урабы и их соглашения с вооруженными фронтами ELN в департаментах Чоко и Нариньо, а также о союзах банды ERPAC с фронтами FARC в провинции Восточные Льяносы³. Что касается состава данных группировок, то согласно информации Национальной полиции, из 12100 арестованных членов банд в период с 2006-2012 гг. около 1700 составили бывшие демобилизованные члены AUC⁴. По официальным данным, значительная часть данных криминальных группировок состоит из молодых людей в возрасте 16-25 лет.

¹ Ibidem.

² Política y violencia en 2011. P. 15, 16 // www.arcoiris.com.co

³ Policy Paper 47/ Friedrich Ebert Stiftung. 2013. P. 3.

⁴ Policía Nacional de Colombia, julio de 2012.

В структурном плане ВАСРИМ принято анализировать на двух уровнях: с одной стороны, верхушка, ответственная за операции «высокого уровня», как, например, поставки кокаина. На втором уровне находится «основа» организации, ответственная за специфические задачи, такие, как контроль над районами выращивания коки, наркотрафик и вымогательства¹. Что касается географического распределения криминальных банд, то в результате достигнутого в начале 2012 г. соглашения между бандами «Rastrojos» и «Urabeños», первые должны были контролировать большую часть северной зоны страны, от Антиокии до Гуахиры, с такими департаментами, как Кордоба, Сукре, Боливар, Атлантико и часть региона Магдалена-Медио. Вторые устанавливали контроль над тихоокеанским побережьем от Антиокии до Нариньо с департаментами Каука, Валье-дель-Каука и Чоко, за исключением Путумайо. Такие территории, как Гуахира и север Сесара, а также Восточные Льяносы, определялись как спорные зоны, на которые не распространялось данное соглашение².

Однако сегодняшняя карта присутствия этих группировок на национальной территории страны кажется намного более сложной, в основном из-за территориального укрепления банды «Urabeños» и расширения районов присутствия «Rastrojos» на севере (Карибское побережье) и востоке страны (Сантандер и Восточные Льяносы). Кроме того, криминальные банды Колумбии действуют не только на национальной территории страны, но и за ее пределами, что свидетельствует о явной транснационализации колумбийской преступности. Так, СМИ Венесуэлы информировали о присутствии членов банд «Rastrojos», «Urabeños», «Águilas

¹ La Guajira en su laberinto // Fundación Ideas para la Paz, Bogotá, 2011. P. 13.

² Policy Paper 47. P. 4.

Negras», «Oficina de Envigado» и банд из сети «Loco Barrera» в штатах Апуре, Сулия и Тачира. В Эквадоре зафиксировано присутствие «Rastrojos» и «Águilas Negras» на границе между департаментами Нариньо и Путумайо (Колумбия) и эквадорскими провинциями Карчи и Сукумбес¹. Что касается Мексики, то хорошо известно о сегодняшнем влиянии ее картелей, контролирующих большинство маршрутов наркотрафика, идущих в США, и об их связях с криминальными группировками Колумбии. Существуют свидетельства о связях колумбийских группировок «Rastrojos» и организации Даниэля Барреры с мексиканским картелем «Los Zetas»² и колумбийских «Urabeños» с мексиканским картелем Синалоа³.

Таким образом, колумбийскому государству, видимо, еще долгие годы придется бороться с организованной преступностью, корни которой кроются в неблагоприятном социальном положении населения страны и тяжелом историческом наследии («виоленсия»). Принятые правительством Х.М. Сантоса такие амбициозные законы и программы, как «Закон о жертвах и реституции земель» и «Бесплатное жилье», пока еще не приносят ощутимых результатов. Для их успешной реализации, очевидно, необходимо подготовить социальную почву, сократить общий уровень нищеты и безработицы, обеспечить хотя бы элементарную безопасность граждан и предоставить молодежи хотя бы элементарные условия для получения достойного образования.

¹ Op. cit. P. 6.

² Capturan a enlaces de Colombia con el cartel mexicano «Los Zetas» // El Tiempo, 13.VIII.2011 /<http://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-10149344>); Ramsey G. Zetas Trained by Former Colombian Special Forces // Insight, 17.X.2011 /<http://www.insightcrime.org/news-analysis/zetas-trained-by-former-colombian-special-forces>

³ Stone H. Colombia Captures Link between 'Loco Barrera' and Sinaloa Cartel // Insight, 12.XII.2011 /<http://www.insightcrime.org/news-briefs/colombia-captures-link-between-loco-barrera-and-sinaloa-cartel>

Сведения об авторах

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович, член-корреспондент РАН, директор Института Латинской Америки РАН (davydov@ilaran.ru)

МАРТЫНОВ Борис Федорович, доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (b.martynov@mtu-net.ru)

ИВАНОВСКИЙ Збигнев Владиславович, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра политических исследований ИЛА РАН (z.w.iwanowski@gmail.com)

ЧУМАКОВА Марина Львовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН (mchumakova@mail.ru)

ПЯТАКОВ Андрей Николаевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН (anpyatakov@yandex.ru)

ПОТАПОВ Никита Александрович, аспирант и научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН (potapov_nikita91@mail.ru)

Аналитические тетради,
выпуск 24

Организованная преступность – вызов безопасности Латинской Америки

Редактор – М.А. Воронина
Макет – И.М. Вершинина
Обложка – Д.В. Разумовский

За аутентичность фактического материала и библиографии
несут ответственность авторы.

Подписано в печать 23.10.2014.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.
Физ. печ. л. 6,25. Уч.-изд. л. 3,5.
Заказ № 13. Тираж 200 экз.

ПЛ ИЛА РАН. 115035 Москва, Б. Ордынка, 21.
Тел.: (495) 951-53-23, факс: (495) 953-40-70.
E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru